

63.3(2 Рос. Алт)

Е 453

Н.В. ЕКЕЕВ

АЛТАЙ^У история
и культура

Министерство образования и науки Республики Алтай
Бюджетное научное учреждение Республики Алтай
«Научно-исследовательский институт алтаистики им. С.С. Суразакова»

ЕКЕЕВ Н.В.

Алтай: история и культура

(ИЗБРАННЫЕ ТРУДЫ)

Горно-Алтайск, 2015

63.3(2Рос Алт)
Е 453
УДК 39 + 94 (57)

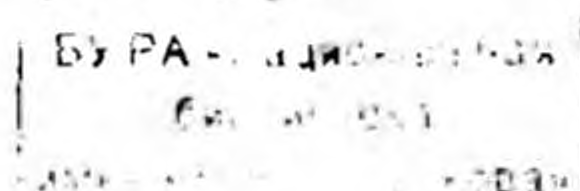
Утверждено к печати Ученым советом БНУ РА «Научно-исследовательский институт алтаистики им. С.С. Суразакова»

Екеев Н.В.

Алтай: История и культура (Избранные труды) / БНУ РА «Научно-исследовательский институт алтаистики им. С.С. Суразакова» – Горно-Алтайск: ООО «Горно-Алтайская типография», 2015. – 472 с.

ISBN 978-5-903693-22-1

594740

В настоящую книгу вошли научные труды, посвященные актуальным проблемам истории и этнографии (этнологии) Алтая. В первую часть включены статьи о хозяйстве и общественном устройстве населения Алтая в XVII – начале XX вв., по истории бурханизма в начале XX в. Во вторую часть книги вошли статьи по вопросам историографии, этногенеза и этнической истории, традиционной и современной культуре алтайцев, культуры ранних тюрков и исторической ономастики Алтая.

Для этнографов (этнологов), историков и широкого круга читателей, интересующихся историей и культурой народов Алтая и Центральной Азии.

Основу книги составляют работы, выполненные в рамках Ведомственной целевой программы «Этнокультурное наследие народов Республики Алтай – основа устойчивого развития региона»

ISBN 978-5-903693-22-1

© Екеев Н.В., 2015

© БНУ РА «Научно-исследовательский институт алтаистики им. С.С. Суразакова», 2015

Оглавление

ИСТОРИЯ

I. ОБЩЕСТВО И ХОЗЯЙСТВО (XVII – НАЧАЛО XX ВВ.)

Социально-политическая организация кочевого и оседлого населения Алтая в XVII – первой половине XVIII вв.	7
Население Горного Алтая в первой половине XVIII века: этнический состав и расселение.....	18
Горный Алтай во второй половине XVIII – начале XX столетий: этнические и этнокультурные процессы.....	27
Этносоциальные процессы в Горном Алтае на рубеже XIX–XX вв.	36
Горный Алтай в XIX столетии: вопросы местного управления, судопроизводства и податей алтайского населения.....	48
Имущественное и социальное расслоение населения Горного Алтая в XIX в.	64
Развитие скотоводства в Горном Алтае (XIX в.)	72
Развитие земледелия в Горном Алтае (XIX век)	81
Развитие промыслов в Горном Алтае в XIX веке	89

II. БУРХАНИЗМ

О движении бурханистов на Алтае в 1904–1905 гг.	96
Движение бурханистов на Алтае: осмысление через столетие	129
Репрессированные священнослужители бурханизма	139

ЭТНОГРАФИЯ (ЭТНОЛОГИЯ)

I. ИСТОРИОГРАФИЯ

Вопросы исторической этнографии алтайцев в трудах Н.А. Баскакова	145
Проблемы этнической истории алтайцев и труды В.В. Радлова	151
Проблемы хозяйственно-культурных типов коренного населения Алтая в отечественной историографии	159

II. ЭТНОГЕНЕЗ И ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

Об основных этапах этнической истории алтайцев	175
Об основных периодах этнической истории алтайцев и алтайско-якутских (саха) этнокультурных связях	192
К проблеме этнополитической истории алтайцев (X – середина XVIII вв.)	207
Народы Алтае-Саян и кыргызы (к проблеме этнических и культурных взаимодействий).....	219
Ойраты и алтайцы: этнические и этнокультурные связи и параллели.....	233
Проблемы этнополитической истории алтайцев и ойратов XIII – середины XVIII вв. по данным письменных и нарративных источников	247

К вопросу об этнических связях ойратов-чоросов с древними уйгурами.....	261
Об ойратах и калмаках периода средневековья и нового времени (исторические факты и их интерпретации)	267
Этнодемографическая характеристика населения Горного Алтая (конец XVIII – начало XX вв.).....	276
К проблеме образования алтайского этноса.....	288

III. КУЛЬТУРА РАННИХ ТЮРКОВ

Об обычаях и нравах теле, тукюе и хякасов.....	298
Об архаических образах, сюжетах алтайского эпоса и «Огуз-наме»	305
Об образе волка/волчицы и «пещере предков» древних тюрков (по сведениям китайских летописей и алтайского эпоса).....	311

IV. ИСТОРИЧЕСКАЯ ОНОМАСТИКА

Алтайская этногония (состав, типология, этимология, стратиграфия)	319
Этнонимы народов Алтае-Саянского горного региона.....	346
К вопросу о значении слова «Чингис» в связи с поиском тюркского соответствия термину «биосфера».....	359
Алтайские и башкирские тамги	363
Этноним <i>башкорт</i> и тюрко-монгольская этнонимия Алтая	365
Об алтайских личных именах.....	367
Алтай калыктын аданган аттары керегинде	373

V. ТРАДИЦИОННАЯ И СОВРЕМЕННАЯ КУЛЬТУРА

Традиционное природопользование алтайцев: современные проблемы	379
Об экологической культуре алтайцев в контексте их традиционных верований.....	390
Памятники культурно-исторического наследия Республики Алтай (по материалам полевых работ 2003 г. в Онгудайском районе).....	399
Титульный народ Республики Алтай: опыт и тенденции в этническом развитии.....	407
Религиозность коренного населения Республики Алтай: традиционные и новые факторы (конец XX – начало XXI вв.)	411
Алтайцы на рубеже XX – XXI веков (к проблеме современных этносоциальных процессов в Республике Алтай)	424
Экономические реформы и их влияние на социальную структуру населения Республики Алтай (Конец XX – начало XXI вв.).....	438

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	458
--------------------------------	-----

БИБЛИОГРАФИЯ (1982–2015 гг.)	459
---	-----

История

I. ОБЩЕСТВО И ХОЗЯЙСТВО (XVII – НАЧАЛО XX ВВ.)

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ КОЧЕВОГО И ОСЕДЛОГО НАСЕЛЕНИЯ АЛТАЯ В XVII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII ВВ. *

К политической истории теленгутов, саянцев (сойонов) и других народов Юго-Западной Сибири и Алтае-Саянского региона XVII столетия обращались в своих трудах Г.Ф. Миллер, И.Э. Фишер, И.Г. Георги, Г.И. Спасский, Г.Н. Потанин. В XIX в. были опубликованы также сборники архивных документов и чертежи по истории народов Южной Сибири (А. Титов, С.У. Ремезов, Хилков). Но более значительные успехи в изучении политической и социальной истории интересуемых племен и народов были достигнуты в XX столетии, благодаря исследованиям С.А. Токарева, Л.П. Потапова, Б.О. Долгих, А.П. Уманского, В.Н. Владимирова, В.А. Моисеева, Г.П. Самаева, Н.С. Модорова, О.В. Боронина и др.

В работах российских историков конца XX – начала XXI вв. (Г.Е. Марков, Н.Э. Масанов, Т.Д. Скрынникова, А.С. Железняков) осуществлены теоретические разработки по применению многолинейного (в т.ч. цивилизационного) измерения или подхода к изучению социально-политической организации, культуры кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпохи древности и средневековья. К фундаментальным теоретическим проблемам относится эволюция кочевого общества, существование государственности у скотоводческих народов. Среди современных концепций, в плане темы данной статьи, заслуживает внимания следующая схема эволюции общества кочевников: 1) акефальные, клановые и племенные образования; 2) «вторичное» племя и вождество; 3) кочевые империи и «квазиимперские» политии меньших размеров. Довольно подробно эта концепция разработана в работах Н.Н. Крадина [12].

При написании настоящей статьи использованы исторические факты и свидетельства, изложенные в отечественной исторической литературе XVIII – начала XXI вв., а также в историческом фольклоре алтайцев.

* См. Алтай билим. Науч. журнал / БНУ РА «НИИ алтаистики им. С.С. Суразакова». – Горно-Алтайск: Горно-Алтайская типография, 2012. – № 8. – С. 73–79.

В рассматриваемое время две сравнительно крупные этнические общности (племена) Алтая – теленгуты (телеуты, тау-телеуты, «белые калмыки») и алтайские сойоны (саяны, саянцы) вели кочевой и полукочевой образ жизни. В 1605 г. теленгуты вышли с Алтайских гор, отделились от ойратов-чоросов («соонгарцев») [6, с. 155] и стали кочевать в лесостепной равнине Верхнего Приобья и в предгорьях Алтая (по низовью рек Катунь, Ануя, Чарыша и Алей) [30, с. 46–47]. В начале XVII в. у телеутского князя Абака было 1000 воинов. Эти сведения были получены от еуштинского князя Тояна [16, с. 411–412]. В последней трети XVII в. на правом берегу Катунь (от Ишы до Наймы) образовалась локально-территориальная группа теленгутов, которая в российских документах стала называться «тау-телеутами», т.е. предгорными теленгутами. В административно-податном отношении они составляли двоеданческую Тау-Телеутскую волость. В первой трети XVIII в. численность ясачного населения этой волости составляла 120 чел. [8, с. 159]. Телёсы – обособленная группой теленгутов – жили около восточного побережья Телецкого озера (Алтын-кёла) и в долине Чолушмана. В середине XVII в. ясак взимали с 300 семей телёсов [5, с. 60]. В первой четверти XVIII в. джунгарские теленгуты составляли 4800 семей [8, с. 162; 32, с. 61, 117]. Алтайские сойоны (саяны) занимали долины рек Чуи, Аргута, верхнего и среднего течения Катунь [8; 9].

Этнические группы (племена) Северного Алтая вели оседлый образ жизни и проживали в долинах рек Бии, Лебеди и Ишы. По данным ясачных книг первой трети XVII в. верхнее течение рек Бии (с притоками Пыжа, Копша) и Ишы занимали следующие ясачные волости: Кузенская, Кергешская (Тиргешская), Комляшская и Юсская. В названиях волостей отразились наименования соответствующих родов (сёоков) тубаларов: кюзен, тиргеш, комдош и юс. В нижнем и среднем течении Бии жили кумандинцы, а по Лебеди – чалканцы. В официальных русских документах они все назывались «двоеданцами», «ясачными (ясашными) татарами» [3; 7].

Хозяйственно-культурный комплекс. В XVII – первой половине XVIII вв. в хозяйственно-культурном комплексе теленгутов и сойонов главное место занимало кочевое и полукочевое скотоводство: разводили лошадей, крупный, мелкий рогатый скот и верблюдов. Подсобное значение имело занятие земледелием (сеяли ячмень, пшеницу, рожь), с применением поливной системой в засушливых горных долинах. Вторым по значимости их занятием была охота на пушного зверя (соболей, белок, лисиц и др.) и копытных животных (маралов, косуль, лосей). В их

сезонных занятиях было широко распространено собирательство: заготовка кедрового ореха, кандыка, сараны, дикого лука, чеснока, других питательных и лекарственных растений. У теленгутов и сойонов, как и у других кочевых народов, были развиты домашние промыслы: изготовление предметов домашней утвари из шерсти, кожи, дерева и металла. Несмотря на натуральный характер кочевого хозяйства, часть продукции скотоводства и охотничьего промысла шла на меновой обмен с соседними народами, в том числе с жителями русских городов и сел Томского и Кузнецкого уездов [19; 21; 25; 30].

Основным хозяйственным занятием северо-алтайских этнических групп являлась охота на пушных зверей, копытных и других диких животных. Объектами охоты были соболь, бобр, белка, колонок, выдра, которые добывались главным образом для уплаты ясака. Обширные охотничьи угодья распределялись между отдельными родами (сёоками). Важным подспорьем для жителей подтаёжного и горно-таежного районов Горного Алтая служил сбор съедобных растений и рыбная ловля. Природные условия позволяли разводить только лошадей. Среди них было распространено мотыжное земледелие: на террасах горных склонов выращивали яровые ячмень, пшеницу, рожь, горох. У кумандинцев, как и у тау-телеутов, размеры посевов тех же зерновых культур были больше, чем у остальных групп, ибо они занимали благоприятные для хлебопашества земли по низовью Бии и Катунь [3; 8; 25]. У жителей горно-таежного района была развита выплавка железа и изготовление железных изделий («пансыри, бехтерцы, шелома, копы, рогатины и сабли, и всякое железное, опричь пицалей»). Свои потребности в продуктах скотоводства они удовлетворяли через меновую торговлю с соседями – кочевниками, предлагая им в обмен железные котлы, таганы, мотыги, тесла и иные предметы кузнечного ремесла. Например, в документе от 13 августа 1744 г. говорится, что весной в Тиберскую ясачную волость приезжала для торговли группа людей из «Кан-Каракольских волостей». Жители Тиберской и Елейской волостей брали у них лошадей, тулупы и войлок в обмен на железные котлы, заступы для копания сараны, бобровые меха [25, с. 42].

В рассматриваемое время через территорию Горного Алтая проходили торговые пути с городов «Малой Бухарии», т.е. Восточного Туркестана (Аксу, Кашгар, Яркент) в сибирские города Кузнецк и Томск. Так, от Урги – ставки джунгарского хана в верховье р. Или дорога пролежала через Имель, верховье Иртыша и около устья Бухтармы она разделялась на два направления. Одна уходила в вершины рек Чуи и Кобдо, затем направлялась в северо-западную Монголию. Другая дорога проходила

через Котон-Карагай, Кырлык («Курлук»), по верховью Чарыша, Ануя и в предгорьях разделялась еще на два направления. Одна направлялась к устью Катунь и Бии, далее шла по правобережью Бии в сторону городов Кузнецка и Томска. А второе направление пролегало по предгорью, около устья Наймы была переправа через Катунь. Конная тропа проходила по возвышенным местам между Наймой и Ишой и при выходе Бии из Телецкого озера была переправа на правый берег. Далее тропа по Артыбашу направлялась в вершины Байгола и там раздваивалась: одна имела направление в сторону Чолушмана, а вторая – в вершины Томи и Абакана. Торговые караваны «бухарцев» выходили из Урги с «иркетчиной» (яркентскими товарами), по дороге товары обменивались на живой скот и в российские пограничные селения караваны приходили по большей части с лошадьми, коровами и овцами [21, с. 83]. По сути, указанные торговые пути существовали с раннего средневековья и соединяли города Средней Азии с Кузнецким и Минусинским краями.

Социально-политическая организация. Кочевое и оседлое население интересующего региона различалось не только по образу жизни, но и по общественно-политическому устройству. На социально-политическую организацию алтайского (теленгутского, сойонского) населения существенное влияние оказывало соседство с пограничными сибирскими уездами Российского государства, Джунгарским ханством и Хотогойским княжеством династии Алтын-ханов. На протяжении первой половины XVII в. шло противоборство между Россией, объединением ойратов (после 1635 г. – Джунгарским ханством) и княжеством Алтын-ханов за политическое влияние в рассматриваемом регионе. В 1667 г. княжество Алтын-ханов было разгромлено войсками хунтайджи Сенге и присоединено к Джунгарскому ханству [10, с. 142–144]. Однако последовавшая после кончины хунтайджи Сенге междоусобица среди джунгарской знати и неудачная внешняя политика Галдан-Бошокту хана привели к ослаблению позиции Джунгарского ханства в Алтае-Саянском регионе. Влияние Российского государства в данном регионе, наоборот, существенно усилилось.

В первой трети XVII в. Теленгутский улус («Телеутская земля») представлял собой самостоятельное этнополитическое объединение, во главе которого стоял князь Абак. В официальных русских документах его титуловали сначала тайшой, затем – князем (князьцом). Между теленгутским князем Абаком и тайшой Каракулой – главой большой группировки ойратов-чоросов («соонгарцев») существовал военно-политический союз для противодействия внешним угрозам, исходившим от княжества

Алтын-хана и Казахской «орды» [17, с. 92]. Однако это не исключало возможности для установления князем Абаком связей с воеводами Томского и Кузнецкого пограничных уездов Русского государства. Первое такое соглашение (в официальных русских документах, называвшихся «шерть», «шертование») с князем Абаком было составлено 31 марта 1609 г. в Томске. Абак приехал в сопровождении мурз и «лутчих улусных людей». В отписке томских воевод В. Волынского и М. Новосильцева в Москву отмечалось, что они «били челом» и шертовали русскому царю, чтобы быть им «под царскою высокою рукою и служить и прямить». Князь Абак в свою очередь просил защищать «от Алтына царя и от Казацкой орды», ясак не взимать, разрешить его улусным людям кочевать «блиско Томсково города» и на пригородных базарах осуществлять обмен лошадей и коров. Затем, 9 июля 1609 г. князь Абак прислал в Томск своих мурз Изекея и Урзубая, которые доставили «полон и лошади, которой поймали колмацкие люди» [16, с. 424–426, 429]. Следующую шерть о совместном походе на «государевых ослушников» (тубинцев, маторцев, качинцев) князь Абак дал в мае 1621 г. в своей ставке в присутствии томского сына боярского Б. Карташева и сопровождавших его служивых людей, толмача и мурзы Тарлава (зятя Абака). Для подтверждения данного обязательства Абак направил в Томск своего отчима Юрликея, который в присутствии томских воевод вновь шертовал [17, с. 263]. В целом, русско-теленгутские договора («шерти») преследовали, прежде всего, военно-политические цели, например, совместные действия против князей енисейских кыргызов. Они касались также решения спорных вопросов о взимании ясака (алмана) с двоеданческих волостей, пользовании приграничными охотничьими угодьями, налаживания взаимных торговых связей и т.д. [3; 25; 29; 30].

После кончины князя Абака (сентябрь 1635 г.) в наследование вступил его старший сын Кока. Но вскоре от Коки отделились его двоюродные братья Мачик и Уделек Койшебурины и образовали отдельный улус. Следует заметить, что еще раньше, в 1630 г. князь Абак вынужден был отпустить своих племянников Итегмена и Коимаса в Томск для принятия наследства покойного отца мурзы Тарлава (умер в 1630 г.) и вступления в подданство русского царя [17, с. 102]. Иначе говоря, сыновья Тарлава, как и другие чатские мурзы, в конце правления Абака полностью отделились от теленгутов.

К середине XVII в. князьцы и «лучшие люди» теленгутов и алтайских сойонов стали вассалами Эрдени-Батура хунтайджи (контайши) – верховного правителя Джунгарского ханства. Об этом свидетельствует, на-

пример, статейный список посольства томского сына боярского П. Сабанского к князю Коке Абакову (составлен между 31 мая и 29 августа 1646 г.). Согласно данному документу, Кока Абаков отказался лично давать шерть, мотивируя тем, что за него раньше дали шерть в Томске его послы Яндуга и Урузак с семьей товарищами, а в его ставке за него шертовали его родной брат, дядя и «лучшие улусные люди». Но главной причиной отказа послужило то, что в 1645 г. Кока сам не давал шерти джунгарскому контайше Эрдени-Батуру («Богатырь-контайше»), за него шертовал его родной брат князь Кулудай. Поэтому, если джунгарскому контайше станет известно, что он лично дал шерть русскому царю, то за то «ему, Коке, от Богатыря-контайши быть розорену» [15, с. 284]. Во времена правления теленгутскими улусами князей Табуна Кокина и Шаадая Мачикова их зависимость от джунгарского контайши усилилась. После кончины Шаадая Мачикова (1695 г.) улусом стал править его брат Бейкон Мачиков. А после Табуна Кокина, умершего в 1697 г., управление улусом перешло к его сыну Шалу. Родные братья Шала, князьцы Базан и Матай, возглавляли отдельные аймаки [29, с. 166–169]. Таким образом, в конце XVII – начале XVIII вв. теленгутские улусы раздробились на мелкие владения (отоки, аймаки) и были полностью включены в административную систему управления Джунгарского ханства. Теленгутские (как и сойонские) князья и «лучшие люди» были подчинены джунгарскому центральному аппарату управления [29, с. 169]. Соответственно они наделялись функциями джунгарских чиновников (зайсанов, демичи, шуленги, арбанаров), ведавшими делами внутри отоков.

Совершенно иной характер имела социально-политическая организация северо-алтайских этнических групп (кумандинцев, чалканцев, тиргешей, комдошей и др.). К концу первой трети XVII в. они оказались на положении двойной зависимости («двоеданства») от Российского государства и Джунгарского ханства. Политика России, главным образом по сбору податей среди населения ясачных (двоеданческих) волостей, реализовывалась через воеводские канцелярии Томского и Кузнецкого уездов. Взиманием повинности (*албана*) с двоеданцев в пользу казны джунгарского хана занимались отряды специальных сборщиков (*албачи*), снаряжаемые теленгутскими князьями под контролем чиновников центрального аппарата ханства. Так, в отписке томского воеводы О.И. Щербатого в Сибирский приказ (датируемой между 18 июля и 31 августа 1647 г.) сообщалось, что «Мачиковы и Кокины братья и дети, и улусные люди» приезжают в кузнецкие ясашные волости (Кондомскую, Тюлюберскую, Боянскую, Тагапскую), и государевых ясашных людей «бьют и му-

чат., и животы их соболи, и русские товары, и котлы, и железо отнимают, и ясак с них емлют., и оттово бывает твоему государеву ясаку недобор» [15, с. 307–308]. А в письмах джунгарского хана российскому царю выдвигались встречные претензии о том, что администрации Томского и Кузнецкого уездов «воспрещали, пресекали, не допускали» брать ясак с их «урянхайских аймаков, находящихся при городе Кузнецком»: два Хубанду, Цулханду, Хондош, Кусен, Юш, Иоту, Тугасба, Кестем, Тонтул и др. [24, с. 81–83]. В перечисленных аймаках отразились названия ясачных волостей: двух Кумандинских, Шелканской, Комдошской, Кузенской, Юсской, Ютинской, Тогулской, Кештимской, Тогульской. Подобные споры и взаимные претензии по поводу сбора ясака с двоеданческих волостей начались со второй трети XVII в. и продолжались вплоть до 40-х гг. XVIII в.

В общественной жизни племен Северного Алтая, судя по документам XVII в., значительную роль играли патриархальные отношения, о чем свидетельствует, например, то, что в российских документах их волости практически совпадали с родами (сёоками). В ясачных книгах и других документах зафиксированы некоторые родовые подразделения кумандинцев (солу, чабат, тастар), комдошей (болан, тас), тиргешей (тогус, чагат, тибер) и юсов (шанжи, самай) [7; 8; 23; 24]. Племена Северного Алтая не имели социально-политических объединений типа улуса или отока. Однако с 20-х гг. XVII в. среди некоторых из них фиксируются относительно большие объединения, куда входили несколько ясачных волостей [3]. Но, тем не менее, эти объединения не превышали уровня аймаков.

Во главе ясачных волостей стояли старшины – башлыки (паштыки), а в их подчинении находились ясаулы. Они занимали свои должности по праву наследства. В круг их основных обязанностей входили сбор подати (ясака, алмана), распределение охотничье-промысловых угодий, организация кузнечного дела. Иногда башлыки выполняли военно-административные функции, например, сбор, снаряжение отрядов из «ясачных людей» и участие в походах русских казаков и служивых татар. Основную массу населения ясачных волостей составляли «ясачные люди» – охотники и кустари («кузнецы»), занимавшиеся добычей железной и другой руды, выплавкой металла и изготовлением из него различных предметов быта и вооружения (железных лат, стрел). Двойственное, «двоеданническое» положение тяжело сказывалось на материальном состоянии всего населения ясачных волостей [3; 22; 23; 25; 29]. Система двоеданства у них исчезла лишь в 50-х гг. XVIII столетия, когда Джунгарское ханство прекратило свое существование.

В рассматриваемое время у кочевых народов Алтае-Саянского региона, по сравнению с народами с преобладающим оседло-земледельческим укладом жизни, социальная структура имела свои особенности, обусловленные кочевым образом жизни. В XVII в. социальная структура теленгутов (и сойонов) была представлена знатью и простыми скотоводами (простолюдинами). Верхнюю ступень социальной иерархии занимали представители знати – князьцы (бии, зайсаны) и члены их семей, мурзы, «лучшие люди» – главы (вожди, предводители) кланов и члены их семей. Так, в ближайшее окружение теленгутского князя Абака, согласно отпискам томских воевод В. Волынского и М. Новосильцева в Москву, входили «колмацкие» мурзы (например, Изекей и Урзубай) и «лутчие люди» [16, с. 424–426, 429]. О «лучших улусных людях» времени правления Коки Абакова можно судить по упомянутому статейному списку посольства П. Сабанского к князю Коке Абакову. В ставке Коки Абакова к шерти были приведены его брат князец Кулудай Абаков, дядя Ентугай Кокаев и «лутчие улусные люди» Битен Невтигин, Торгай Басбеков (Базыбеков), Читай Тереев, Чундугар Базыбеков и Бочюга Тенбикеев [15, с. 282–286]. Вероятно, названные «лучшие люди» были главами теленгутских кланов (сёоков). Например, согласно преданию телеутов, сын Торгая Базыбекова Дабыт (Мамыт) возглавлял род мэркит [29, с. 219–224]. Князь Абак и его потомки принадлежали знатному роду мундус [25, с. 55]. В составе теленгутов имелись представители других родов (аймаков): тодош, кыпчак, кергил, найман, тёлёс, тумат и т.д. [24; 25].

Теленгутские князьцы, вместе с близкими родственниками (сыновьями, братьями, дядями) и «лучшими людьми», выполняли функции военных вождей (батыров-предводителей) и организаторов хозяйственной и духовной жизни общества, и, как правило, обладали такими полномочиями по праву наследования. Не безынтересно обратиться к эпическим сказаниям и историческим преданиям (легендам) алтайцев, в которых нашли отражение события и герои ойратского (джунгарского) времени. В них встречаются титулы и звания легендарных и исторических персонажей: каан (хан), таади, тайчи (тайджи, тайши), бий, мырза (мирза), баатыр (богатырь, предводитель), жайзан (зайсан) и др. [1; 27].

После подчинения джунгарскому контайше теленгутские бии (зайсаны) продолжали управлять своими улусами (отоками). Они занимались распределением сезонных кочевий и охотничье-промысловых угодий между подчиненными главами кланов («лучшими людьми»), но уже под общим контролем чиновника (*тушимела*) Дзарги или Еке Дзарги – высшего представительного и судебного органа Джунгарского ханства. Од-

нако главные алтайские зайсаны участвовали при разбирательствах и решении важных вопросов на заседаниях Дзарги, в военных походах джунгарского хана, охране джунгарских границ и др. [25; 26, с. 93].

В составе Джунгарского ханства теленгутские отоки делились на дёчины (аймаки), а они состояли из арбанов (иначе, аилов), которые объединяли не менее десяти дворов (ёрёкё). Во главе отока стоял зайсан, выполнявший административно-военные функции при помощи небольшого аппарата управления, состоявшего из числа ближайших его родственников и представителей основных кланов (аймаков). Важнейшие вопросы решались на собрании «лучших людей» отока, где главную роль выполнял зайсан и другие должностные лица, входившие в круг его родственников (сыновья, братья). Теленгутские отоки управлялись на основе норм монголо-ойратского Уложения (Их Цааз) [11] и их обычного права.

Экономической основой властвования князьцов и «лучших людей» служило то, что они являлись владельцами крупного поголовья скота и распорядителями пастбищ и охотничье-промысловых угодий. Несмотря на то, что улус (оток) возглавлял князец (бий, зайсан), его власть была ограниченной, потому что важнейшие вопросы общественной жизни обсуждались на собраниях (чугланах) представителей знатной верхушки общества («улусных лучших людей»). Полномочия и права бия (князьца) основывались на его личном авторитете и коллективных правовых гарантиях, определяемых на собрании глав основных кланов. Повинности простых скотоводов в пользу представителей знати (биев, глав кланов), были так или иначе регламентированы по времени, нормам и видам.

К небольшой прослойке алтайского (теленгутского) общества, не отбывавшей повинности, относились тарханы. Согласно имеющимся нарративам (историческому фольклору), тарханами становились простые скотоводы, за особые заслуги перед бием (зайсаном) и другими представителями знатной верхушки общества [1].

Самой многочисленной частью алтайского общества были простые скотоводы, которые назывались *албаты* (*кара албаты*), но они не были однородной массой. Албаты делились на скотоводов, более или менее обеспеченных скотом, малоимущих и бедняков (*жокту*). К низам алтайского общества относились и *јалчы* (прислуга), которые принадлежали князьцам (зайсанам) и главам кланов. Их труд использовался в домашнем хозяйстве. Источником образования этого слоя являлись обедневшие скотоводы. Последнюю категорию зависимого населения составляли домашние рабы (*кулы*), выполнявшие наиболее тяжелую работу. Источником пополнения рабов сначала были военнопленные (ясыри), затем ими

становились бездомные, полностью разорившиеся люди. Основную часть простых скотоводов составляли владельцы скота, которые были экономически независимы. Но они находились во внеэкономической зависимости от представителей знатной верхушки общества.

В социально-экономическом плане у кочевников-скотоводов патриархально-родовые отношения сочетались с территориальными связями. Алтайская аильная община, пришедшая на смену родовой общине, представляла собой объединение дворов собственников скота и другого имущества. В аилы объединялись преимущественно семейно-родственные группы (патронимии), кочевавшие на определенных участках земли с пастбищными угодьями. С конца XVII в., когда теленгутские (и сойонские) улусы полностью вошли в состав административной системы управления Джунгарского ханства, каждый аил объединял примерно 10 дворов (*өрөкө*) – *арбан* во главе со старостой (*арбанак*). Арбаны (аилы) входили в *төчин* (объединение от 40 до 100 дворов) во главе с демичи и его помощниками – старостами 20-ти дворов (*шуленги*). От двух до пяти *төчинов* объединялись в аймак (малый оток) во главе которого стоял зайсан (*жайзан*). А аймаки или малые отоки входили в состав крупного административно-территориального образования – большого отока (или улуса), которым управлял главный зайсан (или малый тайши). Большой оток теленгутов являлся этнотерриториальным объединением, входившим в домен джунгарского хана [11; 13; 32].

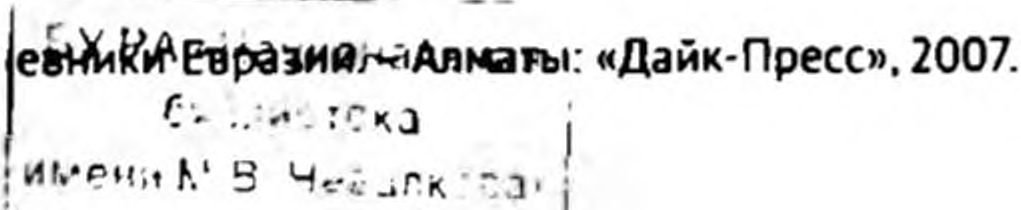
Для алтайского (теленгутского, сойонского) общества XVII – первой половины XVIII вв. было характерно глубокое имущественное расслоение. Представители знатной верхушки общества, используя патриархальные обычаи, применяли труд своих бедных сородичей. Однако, несмотря на это, алтайское общество, как и любое кочевое общество позднего средневековья и начала нового времени, можно рассматривать как феодализирующееся общество. В этом вопросе мы солидарны с взглядами отечественных исследователей кочевников-скотоводов (Г.Е. Марков, Н.Н. Крадин).

Итак, низкий уровень развития производства и незрелость социальных отношений у теленгутов и других племен Алтая обусловили и характер их потестарной организации. В первой трети XVII в. теленгутский улус представлял собой самостоятельное этнополитическое объединение, во главе которого стоял князь (*тайши*, *бий*). Он, опираясь на вооруженный отряд, совещательный орган (*чулган*), куда входили его ближайшие родственники и главы кланов («лучшие люди»), занимался распределением пастбищ и охотничье-промысловых угодий, осуществлял функ-

ции главного судьи с опорой на обычное право и выполнял некоторые военно-административные функции. Во второй трети XVII – начале XVIII вв. произошло дробление большого улуса теленгутов на мелкие улусы (аймаки) и их подчинение джунгарскому хану. В результате они стали малыми отоками большого отока Теленгут, входившего в домен джунгарского хана. Несколько по-иному, вероятно, сложилась история сойонских улусов, которые после присоединения к Джунгарскому ханству вошли в анги (уделы) хойтских нойонов (например, Амыр-Саны). Косвенно это подтверждается историческим фольклором алтайцев [1; 4], а также тем, что они отсутствуют в перечне 24 отоков Джунгарии. Рассмотренная проблема, хотя не нова в отечественной историографии, но многие её аспекты всё ещё слабо изучены и в контексте новых подходов к истории кочевников Евразии требуют дальнейшего исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алтайцы (Материалы по этнической истории) / Сост., коммент., предисл. Н.В. Екеева. – Горно-Алтайск, 2005.
 2. Бичурин Н.Я. Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени; 2-е изд. – Элиста: Калм. кн. изд-во, 1991.
 3. Боронин О.В. Двоеданичество в Сибири. XVII – 60-е годы XIX в. – Барнаул, 2006.
 4. Вербицкий В. Алтайские инородцы; 2-е изд. репринт. – Горно-Алтайск: Ак-Чек, 1993.
 5. Гельмерсен Г. Телецкое озеро и телеуты восточного Алтая // Горный журнал. – СПб., 1840. Ч. 1. Кн. 1-3.
 6. Георги И.Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов. – СПб., 1799. Ч. II.
 7. Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. – М., 1960.
 8. Екеев Н.В. Население Горного Алтая в первой половине XVIII века: этнический состав и расселение // Природные условия, история и культура Западной Монголии и сопредельных регионов (Материалы VIII международной конф.). – Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2007. Т. 1. С. 158–162.
 9. Екеев Н.В. К проблеме этнополитической истории алтайцев (X – середина XVIII вв.) // Мир Евразии. Научный журнал / Горно-Алт. гос. ун-т; гл. ред. Н.С. Модоров. Горно-Алтайск, 2010. № 2 (9). С. 34–42.
 10. Златкин И.Я. История Джунгарского ханства. 1635–1758; 2-е изд. – М: Наука, 1983. 332 с.
 11. Их Цааз («Великое уложение»). Памятник монгольского феодального права XVII в. / сост., введен. С.Д. Дылыкова. – М.: Восточная литература, 1981. Интернет-ресурс: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Mongol/Ojrat_ulozenie_1640/pred.phtml?id=4429
 12. Крадин Н.Н. Кочевники Евразии. – Алматы: «Дайк-Пресс», 2007.
- 2 Екеев Н.В.

13. Кукеев Д.Г. Административное деление и расселение этнических групп в Джунгарском ханстве XVIII в. по данным современной китайской историографии // Проблемы этнической истории и культуры тюрко-монгольских народов: сб. науч. тр. / Отв. ред. У.Б. Очиров. – Элиста: КИГИ РАН, 2010. – Вып. 2. – С. 75–83.
14. Материалы по истории русско-монгольских отношений. Сборник документов. Т.1. 1607–1636. – М., 1959
15. Материалы по истории русско-монгольских отношений. Сборник документов. Т.2. 1636–1654. – М., 1974.
16. Миллер Г.Ф. История Сибири. – М.: Изд-во АН СССР, 1937. Т. I.
17. Миллер Г.Ф. История Сибири. – М.: Изд-во АН СССР, 1941. Т. II.
18. Миллер Г.Ф. История Сибири. – М.: Восточная литература, 2005. Т. III.
19. Модоров Н.С. Россия и Горный Алтай: политические, социально-экономические и культурные отношения (XVII–XIX вв.). – Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 1996.
20. Моисеев В.А. Цинская империя и народы Саяно-Алтая. XVIII в. – М., 1983.
21. Потанин Г.Н. О караванной торговле с Джунгарской Бухарией в XVIII столетии. – М., 1868.
22. Потапов Л.П. Очерки по истории алтайцев; 2-е изд. – М.; Л., 1953.
23. Потапов Л.П. Этнический состав и происхождение алтайцев. – М.; Л.: Наука, 1969. – 196 с.
24. Русско-джунгарские отношения (конец XVII – 60-е гг. XVIII вв.). Документы и извлечения / Сост. В.А. Моисеев, И.А. Ноздрин, Р.А. Кушнерик; отв. ред. В.А. Моисеев. – Барнаул: Азбука, 2006. – 360 с.
25. Самаев Г.П. Горный Алтай в XVII–середине XIX в.: Проблемы политической истории и присоединения к России. – Горно-Алтайск, 1991. – 256 с.
26. Сборник князя Хилкова. – М., 1879.
27. Суразаков С.С. Алтайский героический эпос. – М.: Наука, 1985.
28. Токарев С.А. Докапиталистические пережитки в Ойротии. – М.; Л., 1936
29. Уманский А.П. Телеуты и русские в XVII–XVIII веках. – Новосибирск: Наука, 1980. – 295 с.
30. Уманский А.П. Телеуты и их соседи в XVII – первой четверти XVIII века. – Барнаул, 1995. – Ч. 1–2.
31. Фишер И.Э. Сибирская история. – СПб., 1774.
32. Чернышев А.И. Общественное и государственное развитие ойратов в XVIII в. – М.: Наука, 1990.

НАСЕЛЕНИЕ ГОРНОГО АЛТАЯ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII ВЕКА: ЭТНИЧЕСКИЙ СОСТАВ И РАССЕЛЕНИЕ*

В начале рассматриваемого периода граница Российского государства заметно продвинулась на юг к верховьям крупных сибирских рек

* См. Природные условия, история и культура Западной Монголии и сопредельных регионов (Матер. VIII междунар. конф. г. Горно-Алтайск, 19–23 сентября 2007 г.). – Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2007. – Т. I. – С. 158–162.

Иртыша и Оби. Все силы Джунгарского ханства были направлены на противостояние экспансии Цинской империи на восточных и юго-восточных рубежах. Поэтому джунгары не могли оказывать военного сопротивления продвижению России по Иртышу и Оби. В течение 1717–1720 гг. по Иртышу были сооружены Омская, Семипалатинская и Усть-Каменогорская крепости. А на Оби сооружаются Чаусский и Бердский остроги (1713, 1716 г.) и Белоярская и Бийская крепости (1717, 1718 гг.). Первая попытка строительства русской крепости на слиянии Бии и Катунь, была предпринята в 1708 г., но в 1710 г. она была сожжена джунгарами. Таким образом, территория между Томью и Иртышем полностью включена в состав России [20, с. 173–174, 183–185]. В 1713–1715 гг. «белые калмыки», т.е. приобские теленгуты были переселены в глубь территории Джунгарского ханства (в верховье Иртыша, Или, район Тус-куля) [18, с. 88–89]. А ранее, т.е. в 1702 г. такая же участь постигла енисейских кыргызов. В первой четверти XVIII в. алтайский участок государственной границы России с Джунгарией проходил к югу от г. Кузнецка в направлении на юго-запад по долинам рек Лебеди – Бии, затем по предгорьям, пересекая низовья рек Катунь, Каменки, Песчаной, Чарыша, верховье Алея, Убу и заканчивалась в районе Усть-Каменогорска. К середине XVIII в. на Колывано-Кузнецкой военной линии стояли 9 крепостей и 53 редута [18, с. 76, 88–89].

К настоящему времени имеется несколько работ, в которых интересующие вопросы в той или иной степени уже рассматривались. Среди них следует отметить труды Л.П. Потапова, Б.О. Долгих, В.А. Моисеева, Г.П. Самаева, а также опубликованные сборники архивных материалов [8; 17]. При анализе этнического (родового) состава населения использованы также документы из фондов АВПРИ и РГАДА [1; 2].

Население Горного Алтая по политическому статусу делилось на две группы. Одна группа населения, проживавшая в долине Бии, около юго-восточного берега Телецкого озера и в низовьях Катунь (по ее притокам Ише и Найме) имела статус двойного подчинения («двоеданства») России и Джунгарии. Разница лишь в том, что одни – жители долины Бии – находились в большей зависимости от администрации Кузнецкого уезда России, а другие (Телесская, Тау-Телеутская волости) тяготели к властям Джунгарии. Жители левобережья Катунь и далее на юг, т.е. большая часть населения Горного Алтая являлась подданными Джунгарского ханства.

Прежде всего, рассмотрим порядок расселения «двоеданческих» волостей Северного Алтая. Для этого используем три документа от 1745 г., имеющие некоторые различия по содержанию. Один из них – рапорт

кузнецкого воеводы Шапочникова опубликован Г.Н. Потаниным [9, с. 88–89], второй (донесение офицера Плаутина) и третий документ (записки П. Шелегина) опубликованы Л.П. Потаповым [15, с. 120–122]. Для сравнения названий волостей и их расположения необходимо привлечь также материалы Г.Ф. Миллера за 1734 г. [15, с. 132–133]. Обратимся сначала к этническим группам северной части Горного Алтая. По обоим берегам Бии расселялись «двоеданцы», называемые также «ясачными татарами».

1) От Бийска ближайшая волость (1 сутка конной езды) называлась Кумандинской, в которой насчитывалось 110 человек (учитывалось только ясачное население, т.е. взрослые мужчины). 2) От Кумандинской волости выше по Бие, в 20 верстах находилась Кузенская волость; 46 чел. 3) Рядом с Кузенской волостью, по р. Лебеди (правому притоку Бии) располагалась Шелкальская волость с 46 чел. 4) Далее в 50 верстах Комляжская волость, 51 чел. 5) Кергежская (Тиргешская) волость, в 10 верстах от Комляжской, около Телецкого озера; 43 чел. 6). От Кергежской волости два дня ходу на лодке до двоеданцев, живших на противоположной, юго-восточной стороне Телецкого озера вместе с «джунгарскими калмыками». Численность ясашного населения составляла более 100 человек. 7) В 60 верстах от Кумандинской волости находилась Тау-Телеутская волость, жители которой кочевали по р. Найме (Майме), Ише и прилегающей долине Катунь. Численность ее ясачного населения, согласно архивному документу составляла 120 чел. [1, л. 13об.], а по опубликованному документу – 51 чел. [8, с. 89]. В указанных документах есть существенные расхождения. Так, ясачное население долины Иши в архивном документе отнесено к Яуцкой (Юсской) волости [1, л. 12], в записке Шелегина – к «тау-телеутским татарам» и в данных Г. Миллера – к Юсской или «точнее Ютской волости, потому, что жители называли себя ютами (*jeuti*)» [15, с. 133; 10]. Анализ материалов показывает, что в официальных документах произошла путаница в фиксации в ясачных книгах названий двух разных родов – юс (*jūs*) и йуты/йоты (*juty*, *choty*). Отсюда и разночтения в отношении расположения Юсской (Южской) волости. Так, согласно рапорту Шапочникова она отмечена на правой стороне Бии по чернолесью, по записи Шелегина – на реке Сары-Копше (левый приток Бии) и по архивному документу – в долине Иши. Исходя из этнографического материала о родовом составе кумандинцев и телеутов XIX в. можно с большой долей уверенности сказать, что Юсская волость правобережья Бии (по Шапочникову) и Яуцкая (Ютская) волость по Ише на самом деле были волостями двух групп населения рода йуты (*choty*). Первая группа позднее вошла в состав телеутов (аш-киштимов), а вторая – кумандинцев. Место расположения рода юс

точно указал П. Шелегин, ибо люди данного рода и в XIX в. занимали эту же долину.

В научной литературе уже приводились убедительные доводы о том, что в названиях перечисленных волостей отразились наименования родов и племен Северного Алтая: соответственно кумандинцев, кюзенов, чалканцев, комношей (комдошей), тиргешей и предгорных теленгутов («тау-телеутов»). А на юго-восточной стороне Телецкого озера проживали телёсы. В ясачных книгах и других документах зафиксированы названия родовых подразделений кумандинцев (солу, чабат, тастар), комдошей (балан, тас), тиргешей (тогус, чагат), юсов (шанжи/самай) и предгорных теленгутов. Среди последних фигурируют рода (аймаки) тодош, кыпчак («кипцак»), телёс («телиош»), кергил и мундус [1; 2; 17; 18].

В документах XVIII в. имеется характеристика занятий населения выше названных волостей. О чалканцах сказано, что «сеют один ячмень и то мало»; комдоши, кузены и тиргеша сеяли яровой хлеб: ячмень, пшеницу, рожь, ярицу и горох, а жители около Телецкого озера (телёсы) – еще и табак. У кумандинцев размеры посевов тех же зерновых культур были больше, чем у остальных групп, ибо они занимали благоприятные для хлебопашества земли по низовью Бии. В документах отмечается, что все группы ясачных татар занимаются «звериным промыслом», главным образом для уплаты ясака, и вместе с тем говорится об отсутствии у них рогатого скота и лошадей. Хотя по данным Г.Н. Потанина они лошадей все-таки разводили [14, с. 81]. У населения Тау-Телеутской волости, наоборот, земли удобные для хлебопашества, «полно лошадей, коров»; они «более состоят в зенгорской стороне». Двоеданческое население платило российской стороне ясак пушниной, а джунгарской стороне – алман, преимущественно железом, котлами, таганями, топорами [1, л. 5–14; 14, с. 122–123]. Отсюда следует, что «двоеданцы» занимались также добычей железа и кузнечным делом, или, по крайней мере, обменивали железные изделия у соседних кузнечных татар.

Вообще говоря, в то время через Горный Алтай проходили торговые пути с городов Восточного Туркестана в сибирские города. Так, от Урги – ставки джунгарского хана дорога пролегла через Имель, верховье Иртыша и затем разделялась на два направления. Одна дорога уходила в вершины Чуи и далее на северо-восток. Другая дорога проходила через Котон-Карагай, Кырлык («Курлук»), по Чарышу и в предгорьях разветвлялась на два направления: одно проходило около устья Катунь и Бии; а другое переходило через Катунь у устья Наймы и далее пересекало Бию при ее выходе из Телецкого озера. Торговые караваны бухарцев выхо-

дили из Урги с «иркетчиной» (яркентскими товарами), по дороге обменивали ее на живой скот и в русские пограничные селения приходили по большей части с лошадьми, коровами и овцами [14, с. 83]. По сути, это были древние торговые пути, соединявшие города Средней Азии с Абинско-Кузнецкой котловиной и Минусинским краем.

Следует отметить, что в документах начала XVIII в. перестали упоминаться Керсагальская, Орчакская и Кужугетская (Кучугетская) волости, которые ранее располагались в низовьях Бии, Катунь и Чарыша. Очевидно, это связано с политикой России по продвижению на юг Западной Сибири, которая повлияла на миграцию части населения этих районов на восток и юго-восток, т.е. на территорию современной Тувы и Западной Монголии. Об этом свидетельствуют материалы экспедиции Г.Н. Потанина XIX в. и современные этнографические исследования. Роды керсагал (карасаал), орчак (оржак/орчик) и кужугет (от них произошли названия упомянутых волостей) входят в состав современных тувинцев и алтайских урянхайцев [6; 13].

К югу и юго-западу от Тау-Телеутской волости начиналась территория Джунгарского ханства. В документах конца XVII – начала XVIII вв. чаще всего фигурировали джунгарские Канские и Каракольские волости. Названия волостей возникли от рек Кан и Каракол (в современных Усть-Канском и Онгудайском районах РА), где находились ставки главных зайсанов. Население этих волостей, точнее отоков называлось «зенгорскими канскими и каракольскими калмыками». Их основным занятием было полукочевое и кочевое скотоводство. Кроме того, было распространено поливное земледелие (сеяли ячмень, пшеницу, рожь), звероловство – охота на пушного и копытного зверя и отчасти собирательство [14, с. 81]. От «кан–каракольских калмыков» к югу и юго-востоку, т.е. в верховьях Катунь (по Уймону), Чуи, Аргута и Иртыша (по Бухтарме, Нарыну) кочевали саянцы (сойоны) и «урянхайцы» [3; 8; 11; 18]. В историко-этнографической литературе носителей этнонима урянхай обычно относят к тувинским племенам. Данные, которыми мы располагаем, позволяют сказать, что урянхайцами в Горном Алтае назывались иногда теленгуты и киргизы (переселенные с Енисея в верховья Иртыша), но чаще всего алтайские сойоны. Свидетельством тому, например, является то, что в русских документах середины XVIII в., рядом с этнонимом «урянхайцы» иногда встречаются такие выражения: «...ведомства зайсана Омбо» или «...ведомства зайсанов Хутуха и Мамута, родом теленгут» [8, с. 114]. Вообще говоря, слово «урянхай» попал в русские источники конца XVII – начала XVIII вв. из джунгарских и монгольских дипломатических доку-

ментов. Например, в джунгарских документах подобным образом назывались зависимые от джунгаров тюркоязычные племена Саяно-Алтая. Исключение составляли теленгуты, енисейские киргизы, мингаты и некоторые другие племена, составлявшие 12 «новых» отоков Джунгарского ханства [2; 4; 21].

Опираясь на труды Г.Н. Потанина, В.А. Моисеева и других авторов попытаемся воссоздать этнический состав и расселение населения Южного Алтая в 1740–1750-х гг. К тому времени фигурировали Канская, Каракольская, Саянская, Урянхайские и Теленгутские волости. Канская волость располагалась в верховьях долин Чарыша и Ануя. Зайсаном данной волости был известный Омбо, который, согласно преданиям, принадлежал роду иркит. В числе зайсанов Каракольской волости упоминается Кутук Кутуйгулин и его брат Мамут, принадлежавшие роду кыпчак. Джунгарские Теленгутские волости в документах стали фигурировать в 1740-50-х гг., т.е. позднее, чем Канская, Каракольская волости, и их название прямо указывает на их основное население – теленгутов (телеутов). Среди глав Теленгутских волостей (отоков) фигурировали зайсаны Кутук Кутуйгулин, Буктуш Кумек (род мундус), Намыкай Малаев (тодош?), Кымык Яманак с известным демичи Ерелдеем (рода мундус) и Бурут Чекугалин (тодош). В 1740-50-х гг. Кутук и его брат Мамут кочевали по Кеньге и Бешу (Песчаной). Зайсан Буктуш кочевал на правом берегу Катунь и по Семе; Намыкай Малаев – по Каюрлуку; Бурут Чекугалин (Амугулов) – по Найме и Семе. В списке принявших российское подданство в 1750-х гг. глав отоков были также зайсан Имзынак Кубашев и прославленный демичи Будюки Куранаев (рода кара-иркит) Саянской волости, зайсаны Урянхайских волостей Кульчукай с братом Бобоем, Боокол Субояков и Намжил Тысов. Их кочевья располагались в верховьях Катунь (в Уймоне) и Иртыша (по Нарыну, Берели). В конце 1750-х гг. сыновья Имзынака Кубашева – Кукшин, Толдой и Ибель кочевали уже в долинах рек Песчаной, Кеньги и Семь. Толдой и его брат Тузагаш упоминаются в исторических преданиях. Зайсан Кульчукай, по легенде, принадлежал сёоку јети-сары (род енисейских киргизов). В документах отмечается зайсан Телецкой волости Кочелей Оксун. Само название этой волости свидетельствует о том, что ее население принадлежало роду телёс. Кроме того, известны имена зайсанов белых (приобских) теленгутов Бату-Менко (внук Табуна Кокина), Ангира Бекина и Байсур-бакши, а также Чилуна (род найман), Гендышке (бурут), Ерке-Кашки (чорос) и Сандута [3, с. 70].

На основе анализа материалов можно заключить, что в первой половине XVIII в. в Горном Алтае расселялись тюркоязычные племена. Основ-

ной народ – теленгуты (они же тау-телеуты, кан-каракольские калмыки) кочевали в междуречье Катунь и Иртыша (за русско-джунгарской границей); телёсы (телесцы, телесы) – около юго-восточного берега Телецкого озера и долине Чолушмана; алтайские сойоны (саянцы, урянхайцы) – в долинах Чуи, Аргута и верховье Катунь. «Черневые татары» (йыш-кижи, тубалары) Комляжской, Кергешской, Юсской и Кузенской волостей занимали долины Бии выше устья Лебеди, земли около нижнего берега Телецкого озера и долину Иши. Кумандинцы занимали низовье Бии, а чалканцы жили по долине Лебеди.

Середина XVIII столетия стала переломным рубежом в исторической судьбе племен Алтая. В сложной международной обстановке, сложившейся в результате разгрома Цинской империей Джунгарского ханства, основная часть алтайцев – джунгарских подданных добровольно вошла в состав Российского государства. Вместе с теленгутами российское подданство приняло разноплеменное население (алтайские сойоны, рода енисейских киргизов и бурутов). Большая группа «новоподданных» (2284 человек) была переселена на Волгу к калмыкам. В списке отправленных значатся зайсаны Бурут Чекугалин (с 389 человек), Кутук Кутуйгулин (149 чел.), Черен Уруков (111 чел.), Кымык Яманаков (18 чел.), а также семейства и люди уже умерших зайсанов Кульчукай (340 чел.) и Омбо (245 чел.) [8, с. 92-93]. По некоторым данным, в Кузнецком и Красноярском уездах была размещена другая группа населения (7000 чел.), пополнившая местное телеутско-шорское и хакасское население [19, с. 29]. В Горном Алтае остались, помимо бывших «двоеданцев», лишь часть теленгутского и урянхайского населения, которая под разными предложениями уклонилась от переселения в другие районы России. Территория их кочевок ограничивалась долиной Катунь на востоке и верховьем Чарыша на западе. А в административном отношении они были объединены в пять алтайских (тау-телеутских, калмыцких) дючин Бийского округа. В первой четверти XIX в. были образованы 6-я и 7-я дючины. В официальных документах население дючин называлось «алтайскими (бийскими, горными) калмыками».

Юго-восточную часть Горного Алтая – долины Чолушмана, Башкауса и Чуи – занимала группа теленгутов (теленгитов), известная под названием «калмыков-двоеданцев» или «чуйских двоеданцев». В политическом отношении они подчинялись правительству цинского Китая, но вместе с тем добровольно вносили ясак в российскую казну. По русским документам они составляли 1 и 2-ю чуйские «двоеданческие» волости (дючины), во главе с зайсанами соответственно из родов телёс и ак-кёбёк [3,

с. 70]. А согласно китайским источникам они назывались «алтан-норскими урянхайцами» и состояли из двух знамен (полков) [12, с. 450]. В работе А. Калачева приводится предание о том, что во времена набегов казахского батыра Кочкорбая, т.е. в 1750-х годах, одним из зайсанов чуйских теленгитов был Яранак. Очевидно, он был историческим лицом, ибо фигурирует в историческом документе под именем Чжарнак [11, с. 119]. Яранак со своим народом прибыл в город Улясутай и попросил покровительства у китайского яндина (губернатора). Сначала люди Яранака жили в урочище Кызыл-шин (недалеко от современного села Кокоря), потом – около Кобдо. Когда Яранак умер, то его сын и преемник Менидек приехал в Бийск и принял русское подданство [7, с. 34-35]. В этом предании речь идет о зайсане 2-й чуйской волости из рода ак-кёбёк. В других алтайских преданиях приводятся разные варианты родословной зайсанов рода ак-кёбёк. Отцом Яранака был Кёбёгеш (по другой версии: Бюдугеш), его отцом был батыр Ярынак. Отцом Ярынака был Бадыры и дедом Сёгёскенек. Все они жили в Большом Теленгитском улусе, кочевали также на землях около городов Томска (Том-тура) и Кузнецка (Аба-тура). В длительных войнах Ярынак понес большие людские и материальные потери, под конец бежал и обосновался в устье Чолушмана [3, с. 75–76]. Здесь ему пришлось сражаться с желтыми сойонами и умер он в глубокой старости. Анализ исторических документов и преданий наводит на мысль, что историческим прототипом Ярынака мог быть Еренак Ишеев – внук кыргызского (алтысарского) князя Сыагныза (Сёгёскенек). В отписке Красноярского воеводы от декабря 1688 г. сообщалось, что кыргызский князь Еренак пошел на помощь калмыцким тайшам, и его вместе с калмыками «схватили мугальские люди, а иные сказывали, что де пропал везвестно» [9, с. 184].

После присоединения Горного Алтая к России алтайские племена продолжали подвергаться нападению, грабежу и уводу в плен со стороны монгольско-маньчжурских и казахских военных отрядов. Акты вторжения цинских отрядов в юго-западные районы Горного Алтая были отмечены даже в 1790 г. Во многом это объяснялось тем, что алтайский участок российско-китайской границы не был прикрыт военными укреплениями. Естественным барьером от внешних вторжений служили лишь труднодоступные горные хребты, по которым проходила государственная граница.

В обстановке войны, разрухи и бедствий 1740–1750-х гг. население Горного Алтая, как и всего бывшего Джунгарского ханства, пережило демографическую катастрофу. Ее последствия сказались на этнической

структуре алтайцев и географии их расселения. По исчисленным данным переписи 1763 г. в пяти алтайских (тау-телеутских) дючинах насчитывалось 700 человек обоего пола, в четырех черневых волостях (Кергешская, Комляжская, Юсская, Кузенская) – 1000, Кумандинской – 800 и в Шелкальской волости – 200 чел., а всего – 2700 человек обоего пола [3, с. 66]. Для сравнения отметим, что на начало XVIII в. в теленгутских отоках Джунгарии (включая людей зайсана Урган Жирана), насчитывалось 4800 дворов [4, с. 132-134; 19, с. 61, 117], или примерно около 25 тыс. человек. Анализ демографических процессов последующих лет показал, что эта величина численности населения была достигнута только к концу XIX столетия.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 130. Сибирские дела. Оп. 130/2. Годы 1746-1754. Д. 1.
2. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 130. Сибирские дела. Оп. 1. 1658–1720 гг. Д. 4.
3. Алтайцы (Материалы по этнической истории). – Горно-Алтайск: Горно-Алтайская типография, 2005. – 175 с.
4. Бичурин Н.Я. Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени; 2-е изд. – Элиста: Калм. кн. изд-во, 1991. – 127 с.
5. Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. – М.: Изд-во АН СССР, 1960. – 621 с.
6. Екеев Н.В. Об этнонимах и тамгах народов Западной Монголии и Горного Алтая // Проблемы научных исследований Алтайского горного региона. Материалы научно-практической конференции. – Горно-Алтайск, 2002. – С. 28–37.
7. Калачев А. Поездка к теленгитам на Алтай // Живая старина. – 1896. – Вып. 3. – С. 34–35.
8. Материалы для истории Сибири / Сост. Г.Н. Потанин // Чтения в обществе истории и древностей российских при Московском университете. – М., 1866. – Кн. 4.
9. Материалы по истории русско-монгольских отношений. 1685–1691. Сб. док. – М.: Наука, 2000
10. Миллер Г.Ф. История Сибири. – Л., 1941. – Т. 2.
11. Моисеев В.А. Цинская империя и народы Саяно-Алтая в XVIII веке. – М.: Наука, 1983. – 148 с.
12. Мэн-гу-ю-му-цзи. Записки о монгольских кочевьях / Пер. П.С. Попова. – СПб., 1895.
13. Потанин Г.Н. Очерки Северо-Западной Монголии. – СПб., 1881. – Вып. 2.
14. Потанин Г.Н. О караванной торговле с Джунгарской Бухарией в XVIII столетии. – М., 1868.
15. Потапов Л.П. Этнический состав и происхождение алтайцев. – М.; Л.: Наука, 1969 – 196 с.

16. Ремезов С. Чертежная книга Сибири 1701 года. – СПб., 1882.
17. Русско – джунгарские отношения (конец XVII – 60-е гг. XVIII вв.). Документы и извлечения / сост. В.А. Моисеев, И.А. Ноздрина, Р.А. Кушнерик. – Барнаул: Азбука, 2006. – 360 с.
18. Самаев Г.П. Горный Алтай в XVII – середине XIX в.: Проблемы политической истории и присоединения к России. – Горно-Алтайск: Горно-Алтайская типография, 1991. – 256 с.
19. Тадыев П.Е. Поворотный пункт в истории Горного Алтая // Великая дружба. – Горно-Алтайск, 1957.
20. Уманский А.П. Телеуты и русские в XVII – XVIII вв. – Новосибирск: Наука, 1980. – 295 с.
21. Чернышев А.И. Общественное и государственное развитие ойратов в XVIII в. – М.: Наука, 1990.

ГОРНЫЙ АЛТАЙ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII – НАЧАЛЕ XX СТОЛЕТИЙ: ЭТНИЧЕСКИЕ И ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ*

Этнические и этнокультурные процессы в Горном Алтае интересного периода в той или иной степени рассматривались в работах Г.Н. Потанина, Н.М. Ядринцева, С.П. Швецова, С. Патканова, В.Н. Владимирова, Л.И. Шерстовой, Н.В. Екеева и других исследователей. В предлагаемом сообщении попытаемся кратко охарактеризовать основные тенденции в этническом и этнокультурном развитии коренного населения Горного Алтая после его присоединения к Российскому государству. Источниками послужили разнообразные опубликованные¹ и архивные материалы². Географические рамки темы ограничены современной территорией Республики Алтай, но в отдельных случаях выходят за ее пределы.

Процесс присоединения территории Горного Алтая к Российскому государству занял длительный исторический период. В XVII в. первыми были включены земли северо-алтайских племен в бассейне реки Бии. В середине XVIII в. присоединяется основная территория Горного Алтая и, наконец, в 1864 г. окончательно вошли земли чуйских теленгитов (долины рек Башкауса, Чолушмана Чуи и Аргута).

Во 2-й половине XVIII в. территория Горного Алтая в административном отношении входила в состав Кузнецкого округа Тобольской губернии, а с 1804 г. стала частью вновь образованного Бийского округа

* См. Алтай – Россия: через века в будущее. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 250-летию вхождения алтайского народа в состав Российского государства (16-19 мая 2006 г.). – Горно-Алтайск, 2006. – Т. 2. – С. 99–103.

(с 1894 г. – уезд) Томской губернии³. Коренное население было распределено по пяти алтайским («калмыцким») дючинам⁴, четырем черным (Комляжская, Кергешская, Южская, Кузенская), двум кумандинским⁵ и Кондомо-Шелкальской кочевым волостям. Кроме того, имелись две «тау-телеутские» (позднее – «чуйские») двоеданческие волости, население которых подчинялось правительству цинского Китая, но также вносило ясак в российскую казну. В это время русского населения в Горном Алтае было очень мало. Первыми поселенцами являлись так называемые «безымянные люди», или «каменщики»: старообрядцы, беглые горнозаводские крестьяне и т.п. Они жили в глухих местах по верховьям Бухтармы и Катунь. В 1792 г. манифестом Екатерины II «каменщики» были вновь приняты в российское подданство, но на положении оседлых «инородцев» и обложены ясаком⁶.

В XIX столетии в Горном Алтае происходит дальнейшее возрастание количества сельских поселений и соответственно дючин; создаются «инородческие» управы и русские крестьянские волости. По указу губернского правления в 1804 г. образуется 6-я дючина и в 1823 г. – 7-я дючина. В 1864 г., как уже сказано, теленгиты двух чуйских волостей полностью перешли в подданство Российского государства.

В колонизации горного края активную роль выполняла православная миссия, основанная в 1828 г. По ее инициативе создается сеть селений телеутов – выходцев из Кузнецкого округа: Улала, Найма, Чамал, Мьюта и т.д. По указу губернского правления 1834 г. оседлое «инородческое» население было объединено в инородческие управы: Быстрянскую (в начале XX в. выделена Улалинская), Кокшинскую, Сарасинскую (в конце XIX в. выделена Мьютинская) и Уймонскую (жили русские старообрядцы). После демаркации алтайского участка российско-китайской границы (1869 г.) группа казахов переселяется из верховьев Иртыша и Кобдо в верховья Чуи, плато Укок и Ясатер. В начале XX в. административно-земельной реформой дючины и кочевые волости ликвидируются и вводятся территориальные волости с сельскими обществами общекрестьянского образца. К концу 1916 г. на территории Горного Алтая было образовано 18 волостей.

Перейдем к данным о численности населения Горного Алтая⁷. Данные статистики свидетельствуют о постоянном росте населения региона. Общая численность населения горного края за 1763–1797 гг. возросла в 1,6 раза, а за первую треть XIX в. (с 1797 по 1832 гг.) – почти три раза. Наиболее ощутимым был прирост населения семи дючин – в 3,4 раза. За последующие полвека (1832–1880 гг.) продолжился рост населения – с

12,8 до 27,3 тыс. человек. В 1897 г. общая численность населения края составила почти 46 тыс. человек, в т.ч. дючин – 21,6, чуйских – 4,2, черневых – 5,0, Кондомо-Шелкальской – 0,8, Верхне-Кумандинской – 1,4, управ – 4,6 и крестьянских волостей (с Уймонской управой) – 8,2 тыс. человек. Увеличение численности коренного населения происходило на основе естественного прироста, а на рост русского населения, заметное влияние оказывал также постоянный приток населения из соседних районов Сибири. За 15 лет (1897–1912 гг.) население горного края увеличилось в 1,5 раза. Данные за 1912 и 1916 годы можно сопоставить только по всему населению региона, ибо дючины, управы и кочевые волости были уже упразднены. За четыре года численность населения горного края, несмотря на мировую войну, возросла от 69,3 до 78,9 тыс. К сожалению, пока не установлена точная численность населения Горного Алтая на 1917 г. В литературе 1920–1930-х гг. приводятся данные о 85 – 85,3 тыс. человек⁸.

Рассмотрим изменения в национальном составе населения Горного Алтая⁹. Данные свидетельствуют, прежде всего, о неуклонном росте всех основных национальностей Горного Алтая. За 100 лет (1797–1897 гг.) численность коренных жителей возросла в 8 раз (с 4,4 тыс. до 35,2 тыс. чел.), а русского населения (1816–1897 гг.) – в 16 раз (с 0,6 до 9,7 тыс. чел.). За указанный период наблюдается процесс постепенного уменьшения удельного веса коренного населения, при одновременном увеличении доли русского населения. За 1816–1897 гг. удельный вес первой группы в общей массе населения региона снизился с 92,7 до 76,4%, а второй группы возрос с 7,3 до 21%. Это объясняется большими темпами естественного и механического прироста русского населения. Обращаясь к данным начала XX в. видим, что при общем увеличении численности населения всех национальностей доля коренных жителей продолжала снижаться, а удельный вес русских наоборот увеличился. С 1897 по 1912 годы численность первых возросла на 16% (с 35,2 до 40,8 тыс. чел.), а вторых – 2,7 раза (с 9,7 до 26,5 тыс.). К 1912 г. удельный вес коренных жителей в общей массе населения горного края снизился до 58,9%, а русских возрос до 38,2%. Пока нет возможности дать сведения о национальном составе населения Горного Алтая на 1916 и 1917 годы в силу отсутствия обработанных материалов.

В рассматриваемое время, коренное население Горного Алтая состояло из шести этнотерриториальных групп: кумандинцев, телеутов, чалканцев, тубаларов, теленгитов и собственно алтайцев (алтай-улус). Причем, население последних четырех групп было полностью сосредоточено в

Горном Алтае, а значительная часть населения двух первых групп проживала в предгорных районах Бийского округа, а также в Кузнецком округе. В официальных документах и исторической литературе рассматриваемого времени собственно алтайцы назывались «алтайскими (бийскими, горными) калмыками»; теленгиты сначала – «калмыками-двоеданцами», (изредка – «урянхайцами»), а после 1865 г. – чуйскими теленгитами. Тубалары и чалканцы (вместе с шорцами) именовались «черневыми татарами», а телеуты и кумандинцы – без изменения их названия.

В структуре этнотерриториальных групп коренного населения наблюдаются значительные изменения. Данные источников показывают, что основная масса коренного населения относилась к собственно алтайцам (населению семи дючин). Хотя их численность, как и других этнических групп, постоянно росла, но удельный вес в общей массе постепенно снижался. Связано это, главным образом, с ростом населения двух групп – телеутов и теленгитов. По переписи 1897 г. собственно алтайцы составляли 50,6%, теленгиты – 12,7, телеуты – 14,1, тубалары – 10,9, кумандинцы – 9,5 и чалканцы – 2,2% всего коренного населения Бийского уезда. Указанные этнотерриториальные группы в свою очередь целились на множество родов – сёоков.

Население Горного Алтая в XIX – начале XX вв. различалось и по сословному положению. Согласно закону 22 июля 1822 г. (указ Сперанского) коренное население относилось к категории «кочевых инородцев» (за исключением телеутов – переселенцев, считавшихся «оседлыми инородцами»). Русское население в преобладающей массе числилось в сословии крестьян. Исключение составило русские старожилы Уймонской управы, которые относились к сословию «оседлых инородцев». По данным на 1896 г. 81,3% всего учтенного населения горного края относилось к сословию «инородцев», 14,6% – крестьянам, 2,6% – мещанам (главным образом Бийска) 1,2% – отставным военным чинам (солдатам) а остальные (0,3%) – к духовенству, дворянам, почетным гражданам. Накануне мировой войны (1912 г.) удельный вес «инородческого» населения снизился до 62,5%, а крестьян и отставных военных чинов наоборот возрос до 32,3 и 2,4%. По социальному облику и хозяйственной деятельности коренные жители существенно не отличались от русских крестьян. Поэтому Горный Алтай этого времени относился к регионам с преобладающим (95–96%) крестьянским населением.

Теперь рассмотрим религиозный состав населения Горного Алтая. Местное русское население относилось к православным христианам, а основная масса коренных жителей была язычниками (шаманистами). Од

нако под влиянием православной миссии среди них складывается категория «крещеного» населения. Обратимся к статистическим материалам, но с двумя оговорками. Во-первых, религиозный состав населения определялся по официальной статистике православной церкви, которая часто страдала тенденциозностью. Во-вторых, для алтайцев, как и для других народов Востока, всегда был присущ религиозный синкретизм. Например, «крещеные» алтайцы могли одновременно почитать христианские и языческие культы. По сведениям на 1899 г. 60,3% всего охваченного учетом населения Горного Алтая считались христианами и 39,7% – «идолопоклонниками», а в 1911–1912 гг. их удельный вес составил соответственно 67,2 и 31%. Кроме того, в последние годы была учтена небольшая группа мусульман (1,8%) – казахов и татар. Как видим, доля православных христиан постоянно росла на основе общего роста русского населения и «крещеных» аборигенов. Около трети русских христиан (30,9% в 1912 г.) были старообрядцами – старожилами Уймонской управы, Катандинской и других волостей.

Обратимся к религиозному составу коренного населения. Прежде всего, среди них наблюдается постоянный рост численности крещенных. Так, если в 1832 г. из 11,2 тыс. человек крещение приняли лишь 58 человек, то в 1899 г. численность крещеного населения у них составила 16,7 тыс. человек, или 51,4%. К концу XIX столетия в инородческих управах они составляли – 94%, четырех черневых волостях – 71%, семи дючинах – 47 и в двух чуйских волостях – 30%.

В начале XX в. религиозная ситуация среди алтайцев претерпевает существенные изменения, связанные с социально-религиозным движением, известным под названием «бурханизма» или «белой веры» (по-алтайски: ак янг). Это движение, началось с больших молебн бурханистов в мае–июне 1904 г. в долине Теренг и сопровождалось массовым переходом алтайцев от «черных» шаманских культов к «белой бурханской вере». В 1907 г. уполномоченные от алтайцев – бурханистов подали уездному начальству письменное заявление о том, чтобы их впредь не считали шаманистами¹⁰. Подобные большие изменения в религиозной жизни алтайцев обратили на себя внимание официальных властей и общественности. Поэтому, в данных учета населения по вероисповеданию за 1911–1912 годы бурханисты были учтены отдельно от шаманистов, и их удельный вес составил почти 90% всего коренного некрещеного населения. К тому времени удельный вес всех «идолопоклонников», среди коренного населения возрос до 51,1%, а крещенных снизился до 48,9% (против 51,4% в 1899 г.).

Особенности в сословной и религиозной структуре коренного алтайского и русского населения являются выражением различий в их культуре и образе жизни. Они легко просматриваются в типах их жилища и поселений, а также в уровне развития земледелия. По переписи 1897 г. в Горном Алтае было учтено 582 населенных пункта, в том числе 80 сел (деревень, поселков, заселков), 44 заимки, 86 аилов (мелких оседлых селений) и 377 стойбищ (урочищ). Все поселения, за исключением стойбищ, являлись вполне оседлыми. В первых трех группах поселений проживало 45% всего населения (в т.ч. 29,4% алтайцев), а в четвертой группе (стойбищах) – 55%, в том числе 70,6% коренных жителей. Иначе говоря, в конце XIX в. русское население (97,8%) жило селах и деревнях, а большинство алтайцев вело полукочевой образ жизни¹¹. Кочевничество сохранилось среди населения дючин (78,6%) и чуйских волостей (97%), а также у местных казахов. Согласно переписи 1916 г. в Горном Алтае было учтено 435 населенных пунктов, в том числе 235 сел (поселков, деревень), 58 аилов, 40 заимок, 32 поселка арендаторов, 13 хуторов и 117 «урочищ» (с мелкими поселениями полукочевников)¹². Сравнивая данные 1897 и 1916 годов, видим заметное сокращение общей численности поселений за счет уменьшения «урочищ» и аилов. Это последствие землеустройства 1911–1913 гг. Произошли качественные сдвиги в структуре поселений. В 1916 г. ведущее место занимали села, поселки (аилы) и деревни, составившие 59,2% всех селений. Накануне революций 1917 г. абсолютное большинство населения горного края (почти 71%) проживало в селах, и лишь четвертая часть (25,2%) – по «урочищам». Как видим, облик Горного Алтая начала XX столетия определялся уже широкой сетью сел, деревень и поселков.

О результатах взаимодействия русской оседлой земледельческой культуры с местной кочевой культурой можно судить по материалам на 1902 и 1908 годы. Согласно учету населения 1902 г.¹³ коренное население (45,7 тыс. чел.) распределялось так: оседлое составило 55,2% и полукочевое – 44,8%. Полукочевое население было учтено только во 2–7 дючинах (65,5% жителей всех дючин) и в обеих чуйских волостях (99,2% их жителей). Следовательно, население четырех «черневых» волостей, 1-й дючины и управ было оседлым. В этническом плане они относились к тубаларам (включая чалканцев и кумандинцев), телеутам и собственно алтайцам. А анализ материалов обследования 1908 г.¹⁴ показал, что оседлая часть коренного алтайского населения составила 53%. Эти данные свидетельствуют о высокой динамике роста оседлости среди алтайского населения. Накануне первой мировой войны, по меньшей мере, половина коренного населения Горного Алтая вела оседлый образ жизни.

В подтверждение к сказанному приведем и сведения об изменении типов жилища алтайского населения. По сведениям на 1832 г. единственной формой жилища коренных жителей Горного Алтая служили юрты, причем половина из них были войлочные. В конце XIX в. основной формой жилища у них остается юрта (88,4%), но распространяется строительство, главным образом в таежной зоне, изб и домов (11,6%). К 1908 г. удельный вес изб и домов возросла до 18,5%, а юрт снижается до 81,5%. Войлочные юрты становятся уже редкостью (4% всех юрт). Другим показателем оседлости является развитие земледелия и сенокоса. По данным на 1832 г. в горном крае имелось примерно 50–100 десятин (дес.) посевов. Согласно обследованию 1897 г. алтайские хозяйства засеивали 2948 дес., а в 1908 г. – уже 4950 дес. посевов. За эти годы удельный вес беспосевных хозяйств снижается с 51,1 до 47,4%, а хозяйств без сенокосов – соответственно с 3,9 до 3,4%. В 1897 г. на одно засеиваемое алтайское хозяйство в среднем приходилось 1,1 дес. посева, а в 1908 г. – 1,4 дес. А одно алтайское хозяйство, занимавшееся сенокосом, в эти же годы имело в среднем соответственно 196 и 257 копен сена¹⁵. Тем не менее, оседлое алтайское население заметно отличалось от местных русских крестьян по уровню развития земледелия (размерам посевов, обеспеченности инвентарем) и формам жилища и поселений.

Таким образом, изучение конкретно-исторических материалов показало, что численность населения Горного Алтая, его основных этнических и национальных групп на протяжении второй половины XVIII – начала XX вв. неуклонно росла. Горный Алтай представлял собой малонаселенную и осваиваемую окраину России. Поэтому, на этнодемографические процессы оказывал влияние приток населения из соседних сибирских и других районов России. За 150-летний период развития в составе России численность коренного населения Горного Алтая возросла в 15 раз (от 2,7–3 тыс. до 42–43 тыс. человек).

Для конца XIX – начала XX вв. характерно усиление хозяйственных и этнокультурных связей между коренными этнотерриториальными группами. В начале XX столетия алтайцы (алтай-улус) сформировались в народность. Но в силу особенностей исторического развития горного края сохранились самобытные этнотерриториальные группы теленгитов, тубаларов (йыш-улус), чалканцев и кумандинцев. Миграционные процессы (приток русских крестьян), аграрные и административные преобразования, торговля и другие факторы усиливают также межэтнические (русско-алтайские) взаимодействия. Это нередко приводило к культурной (языковой) ассимиляции части коренного населения.

На протяжении XIX–начала XX вв. две основные национальные группы Горного Алтая – алтайцы и русские – существенно отличались по формам хозяйствования, культурно-бытовому укладу и образу жизни. Местные русские крестьяне, являясь носителями оседлой земледельческой культуры, оказывали влияние на развитие скотоводческого хозяйства и быта алтайцев. В основе этого процесса лежали длительное соседство и постоянно усиливающиеся хозяйственные и культурные связи алтайского и русского населения. Одним из позитивных последствий совместного проживания двух народов стал переход большинства коренного алтайского населения в конце XIX–начале XX вв. от кочевничества к оседлости. Подтверждением тому служат позитивные сдвиги в развитии земледелия, сенокосения, форм жилища и поселений алтайцев.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Потанин Г.Н., Семенов П.П. Дополнения // Риттер К. Землеведение Азии. – СПб., 1877. Т. 17; Ядринцев Н.М. Сибирские инородцы, их быт и современное положение. – СПб., 1891; Швецов С.П. Горный Алтай и его население. – Барнаул, 1900. Т. I. Вып. 1; Горный Алтай и его население. – Барнаул, 1901. Т. 2. С. 278, 286, 294, 302; Патканов С. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и род инородцев. Т. 2. // Записки РГО по отд. статистики. – СПб., 1911. Т. XI. Вып. 2; Штейнфельд В. Справочник по городу Бийску и Бийскому уезду 1911 г. – Бийск, 1911; Урожай хлебов и трав в Томской губернии в 1913 г. – Томск, 1913. С. 36–37; Алтайско-Томская часть Сибири по данным с.-х. переписи 1916 года. – Томск, 1927; Потапов Л.П. Этнический состав и происхождение алтайцев. – Л., 1969; Владимиров В.Н. Численность и расселение южных алтайцев в XVII – XIX веках. // Археология и этнография Южной Сибири. – Барнаул, 1984. С. 115–126; Шерстова Л.И. Этноконфессиональная общность: К проблеме эволюции субэтносов // Расы и народы. – М., 1991. Вып. 21. С. 35–43; Шерстова Л. Тайна долины Теренг. – Горно-Алтайск, 1997; Екеев Н.В. Этнодемографическая характеристика населения Алтая XIX – начала XX в. // Актуальные вопросы истории и культуры Саяно-Алтая. – Горно-Алтайск, 1998. Вып. 2. С. 49–56; Екеев Н.В. Административная система управления и этническое деление коренного населения Алтая в XIX–начале XX вв. // Археология и этнография Алтая. – Горно-Алтайск, 2003. Вып. 1. С. 132–137; Алтайцы (Материалы по этнической истории) / Сост. Н.В. Екеев. – Горно-Алтайск, 2005 и др.

2. ГАТО. Ф. 234. Оп. 1. Д. 177, 439; Ф. 3. Оп. 45. Д. 600; Ф. 3. Оп. 71. Д. 3; Ф. 239. Оп. 16. Д. 90, 92, 94–96, 98, 101, 102б, 102г, 102д; РГИА. Ф. 468. Оп. 9. Д. 1042; Ф. 468. Оп. 27. Д. 92; ЦХАФАК. Ф. 29. Оп. 1. Д. 981.

3. Бийский округ учрежден в 1783–84 г., но в 1794 г. был упразднен и его волости вошли в состав Кузнецкого округа. После образования в 1804 г. Томской губернии Бийский округ восстановлен. В 1894 г. округ был разделен на Бийский и Змеиногорский уезды.

4. Дючина – это кочевая волость, образованная по родовому принципу
5. К 1787 г. Кондомо-Кумандинская волость была разделена на Нижне-Кумандинскую и Верхне-Кумандинскую волости.
6. Официально теленгиты именовались также «несовершенно зависящими» или «состоящими в зависимости без совершенного подданства». См.: Кистяковский А. Рецензия на кн. Самоквасова Д.Я. Сборник обычного права сибирских инородцев. Оттиск из университетских (Московского) известий 1876. Каталог РГБ.
7. При определении численности и состава населения основными источниками послужили данные ревизий (1797, 1816, 1858 гг.), ясачной комиссии (1832 г.), административно-полицейских учетов (1880, 1902, 1911–1913 гг.), Всероссийской переписи 1897 г., Сельскохозяйственной переписи 1916 г., обследований 1897 и 1908 гг. См.: Екеев Н.В. Этнодемографическая характеристика населения Алтая XIX – начала XX вв., с. 49–50
8. Сельское хозяйство Сибирского края. – Новосибирск, 1926. Вып. 1. С. 40; Первый сибирский краевой научно-исследовательский съезд. – Новосибирск, 1927. Т. 3. С. 7
9. При исчислении данных за 1797–1880 годы к коренному населению было отнесено все население кочевых волостей, дючин и оседлых управ, а к русским – население крестьянских волостей, ибо низовые административные единицы образовывались по сословному принципу. Данные переписи 1897 г. являются наиболее точными, поскольку переписью специально учитывалась национальную принадлежность населения. Наконец, при исчислении этнического состава населения за 1912 г. в основу взята сословная градация и отчасти религиозная принадлежность населения.
10. См.: Бурханизм – Ак јанг: документы и материалы. Горно-Алтайск, 2004; Движение Ак јанг (Белая вера) – Бурханизм на Алтае: взгляд через столетие. – Горно-Алтайск, 2004.
11. Приведенные расчеты основаны на материалах С. Патканова и расходятся с данными С.П. Швецова. Потому, что материалы первого автора, в отличие от второго, охватывают население не только семи дючин, четыре черневых, двух чуйских кочевых волостей, но и оседлых управ и крестьянских волостей.
12. ГАТО. Ф. 239. Оп. 16. Д. 90, 92, 94–96, 98, 101, 1026, 102г, 102д
13. Памятная книжка Томской губернии на 1904 год. – Томск, 1904. С. 574, 584–587, 592–595, 606–608, 612–639.
14. РГИА. Ф. 468. Оп. 27. Д. 92. Л. 225, 227–230.
15. РГИА. Ф. 468. Оп. 9. Д. 1042. Л. 628, 637, 644; Ф. 468. Оп. 27. Д. 92. Л. 225, 227–228; Горный Алтай и его население. – Барнаул, 1901. Т. 2. С. 278, 286, 294, 302; См. также: Тоцакова Е.М. Традиционные черты народной культуры алтайцев. – Новосибирск, 1978.

ЭТНОСОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ В ГОРНОМ АЛТАЕ НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВВ. *

В истории Горного Алтая конец XIX – начало XX вв. занимает особое место. Потому что в это время были проведены крупные реформы, существенно изменившие социально-экономическую структуру алтайского общества и Горного Алтая в целом. В настоящей статье предпринимается анализ социально-экономических преобразований и их влияние на этносоциальные процессы в Горном Алтае рассматриваемого времени. Хотя по истории Горного Алтая указанного периода имеется целый ряд работ¹, но данная проблема еще не стало предметом специального исследования.

Аграрные преобразования. В конце XIX в. принимаются аграрные законы, направленные на размежевание и ограничение землевладения алтайцев, русских крестьян и создание арендного хозяйства в кабинетских землях. 31 мая 1899 г. вступает в силу закон о поземельном устройстве населения Алтайского округа. Он вводил принципы не отчуждаемости крестьянских наделов, 15-десятинную душевую норму и наделения землей общин (а не отдельных дворов). Закон сохранял за Кабинетом права на недра крестьянских земель. На первом этапе землеустройства (1902–1908 гг.) были землеустроены русские крестьяне–старожилы и оседлые «инородцы» (исторический термин, обозначающий нерусское, неславянское население России). Всего было землеустроено 76 селений с 10,2 тыс. наличных душ мужского пола². Основная масса русских крестьян и оседлых «инородцев» была наделена землей в достатке. На повестку встал вопрос о землеустройстве кочевого населения. Данный вопрос неоднократно обсуждался в Томске и Санкт-Петербурге, проводились обследования 1908 и 1910 гг., наконец в январе 1911 г. министр Двора по соглашению с МВД и ГУЗЗ постановил немедленно приступить к сплошному землеустройству Горного Алтая³.

В 1911–1912 гг. было проведено землеустройство алтайского полукочевого населения и русских крестьян–новоселов. В 1913 г. и первой половине 1914 г. проходила процедура оформления отводных записей и планов наделов, их утверждения Томским губернским управлением и вручения населению. Землеустройство сопровождалось ликвидацией старой административно-родовой системы управления алтайцев. Проводилась также перегруппировка русских селений в сельские общества

* См. Билим. Науч. журнал / Ин-т алтаистики им. С.С. Суразакова. – Горно-Алтайск, 2007. – № 3. – С. 5–9.

с последующим образованием новых крестьянских волостей. К началу 1914 г. на территории Горного Алтая всего было образовано 19 волостей⁴. Каждая волость состояла из сельских обществ с конкретными земельными наделами.

В результате землеустройства 1911–1913 гг. получили полное поземельное и административное устройство 630 населенных пунктов, которые были объединены в 263 сельские общества. В наделы алтайских и русских крестьян поступило 2195,6 тыс. дес. земли, составившие около 28% всей земельной площади Горного Алтая. В ходе землеустройства из землепользования коренного населения было изъято 121,6 тыс. дес. отгонных пастбищ. Из 263 обществ лесные наделы получили только 55%, со средним размером удобной площади в 1,5 дес. на взрослого мужчину, что в два раза меньше установленной нормы⁵.

Основным итогом землеустройства стало создание огромного фонда земель Кабинета, составившего почти 72% всей территории Горного Алтая, в том числе около 84% всех удобных земель⁶. Кабинетские земли в Горном Алтае были разделены на шесть лесничества (Телецкое, Лебедское, Онгудайское, Улалинское и др.)⁷. Земельные дачи Кабинета стали сдаваться в аренду отдельным крестьянам или их группам, сельским обществам, арендным поселкам и заимкам. В 1912 г. на кабинетских землях вводятся продажа леса на корню, обязательное обложение охотничьего и кедрового промыслов, сборов ягод, грибов⁸.

Земельные и административные реформы привели к разделению административно-податных и поземельно-хозяйственных функций крестьянской общины. Первые функции сосредоточивались преимущественно в правлениях крестьянских волостей, а вторые (поземельные) – в сельских обществах. В 1899 г. принимается и новый податный закон. Русские крестьяне и оседлые алтайцы вместо прежней подушной подати, стали облагаться государственной оброчной податью. За ними сохранялись денежные губернские земские сборы, страховые сборы и мирские повинности⁹. После перевода кочевников в разряд оседлых «инородцев» на них распространились все указанные выше виды податей, сборов и повинностей. Землеустройство, административная и податная реформы ускорили переход коренного алтайского населения к территориальной форме общины и оседлому образу жизни.

Развитие сельского хозяйства. Основной отраслью сельского хозяйства Горного Алтая было скотоводство. В конце XIX – начале XX столетий у коренных жителей существовали два основных типа хозяйствования. Первый – полукочевой скотоводческо-промысловый тип – был харак-

терен для южной горно-степной части, а второй – оседлый скотоводческо-промысловый тип – для северной горно-таежной части Горного Алтая. В обоих типах присутствовало занятие земледелием. В горно-таежной части хвойные и хвойно-лиственные леса определили оседлый образ жизни населения, занятие охотой и сбором кедрового ореха.

Для полукочевого скотоводства было присуща отгонно-пастбищная система с круглогодичным выпасом основного поголовья скота¹⁰. Существовали две основные формы вертикальной перекочевки в пределах горных долин. Самой распространенной была форма, когда низовья долин использовались как места постоянных зимних поселений с конца августа до середины мая. Вблизи стойбищ находились сенокосы, пашни (где позволяли условия) и зимне-весенние пастбища. А на обширных верховьях долин с богатой субальпийской растительностью располагались летние пастбища и где устраивались жилища. На летних пастбищах пребывали в основном со второй половиной мая и до середины августа. Надо отметить, что зимние поселения находились на высоте 600–700 м (над уровнем моря), а летние поселения – 2000–2500 м. Вторая форма перекочевки была присуща для высокогорных долин (“степей”) с теми же сезонно-временными рамками. Зимние поселения устраивались у подножия гор (в защищенных от ветров логах, вблизи леса и водных источников), а летние – на низинах долин, около речек и озер. Колебания высот зимних и летних поселений в одних местах, например, долинах Ябогана и Кырлыка составляли от 1300 до 1000 м, а в других (Чуйская, Курайская степи, плато Укок) – от 2500 до 1600 м. И при этой форме перекочевки существовал отгон гулевого скота (быков, нетелей, лошадей) на высокогорные летние пастбища.

В северной таежной части Горного Алтая хвойные и хвойно-лиственные леса по низкогорью, высокая увлажненность почвы (глубокий снежный покров зимой), ограниченные площади сенокосно-пахотных угодий и отсутствие летних отгонных пастбищ определили оседлый образ жизни населения. Здесь летом практиковалось выгонное, а зимой стойловое содержание скота (крупного рогатого скота, лошадей), сочетавшееся с сезонной охотой, собирательством (кедрового ореха, ягод) и пчеловодством.

Обеспеченность крестьянских хозяйств сеном из года в год росла, но размеры заготовок оставались небольшими. Так, с 1897 по 1908 гг. доля алтайских хозяйств без сенокосов снизилась с 3,9 до 3,4%. А в расчете на одно хозяйство, занимавшееся сенокосением, в указанные годы приходилось соответственно 196 и 257 копен сена¹¹. С распростране-

нием маслоделия в начале XX в. предпринимаются меры по улучшению зимнего содержания скота и его породности: строятся теплые скотные дворы, ввозятся из центра быки-производители для метизации, в ряде сел (Кош-Агач, Онгудай, Кебезень) открываются участки ветеринарных врачей, но они выполняли в основном карантинную службу по осмотру скота, перегоняемого из Монголии в Западную Сибирь¹². Однако отдельные мероприятия и улучшения не могли изменить традиционную систему скотоводства.

Обратимся к основным показателям сельскохозяйственного производства. Сначала проследим изменения в поголовье скота (см. табл. 1). С 1897 по 1912 гг. наблюдается постоянный рост поголовья скота (с 456,8 до 559,5 тыс.), особенно крупного рогатого скота (с 97,5 до 144,4 тыс.) и лошадей (со 134,3 до 176,8 тыс.). В годы войны произошло сокращение поголовья скота (в 1916 г. составило 469,4 тыс.), за исключением свиней и маралов. За указанное время заметно выросло количество рабочих лошадей (соответственно в 2,2) как результат увеличения спроса на них для перевозок грузов и поставок в регулярную армию. А поголовье коров увеличилось (в 1,8 раза), главным образом, из-за повышения в годы мировой войны цен на мясо и масло¹³. Изменения в структуре стада были обусловлены сокращением пастбищ и выгонов в крестьянских наделах после землеустройства и переориентацией русских и алтайских крестьян на менее экстенсивные и товарные отрасли скотоводства.

В большинстве алтайских хозяйств продукты скотоводства уходили на собственные нужды (шерсть на кошмы, мех для шубы, молочные продукты для питания) и поэтому они имели полунатуральный характер. Однако, по мере усиления торговли, среди крестьян стали развиваться товарно-рыночные отношения¹⁴. Выборочный анализ бюджета крестьянских семей показал, что в 1911 г. на продажу (обмен) и личное потребление уходило соответственно 2,5 и 4,3% поголовья лошадей, 4,8 и 7,4% КРС, 5 и 15% МРС¹⁵. В начале XX в. быстро развивается маслоделие. Так, с 1901 по 1912 гг. количество маслодельных заводов возросло с 17 до 24, а к 1916 г. их численность достигла 40. В маслоделии преуспевали русские крестьяне, но оно постепенно проникает и в оседлые алтайские селения¹⁶. Некоторые богатые алтайцы освоили собственное производство масла, например, братья Тобоковы (в селах Паспауле, Карасуке), братья Кульджиновы (Кеньге, Каерлыке), И. Чепкин (Александровке, Бирюле и Урлу-Аспаке). Производимое сливочное масло реализовалось крупным предпринимателям в Бийске и Барнауле¹⁷.

В полукочевых хозяйствах усиливается внимание выращиванию и продаже живого скота и продуктов скотоводства. «Держа большое ко-

личество скота, богатые алтайцы, а также и русское население ведут торговлю скотом. О размерах этой торговли для отдельных лиц некоторое представление могут дать такие цифры: братья Кульджиновы в 7-ой дючине продают 150–200 голов крупного рогатого скота, алтайцы 5-ой дючины Б. Туйдыш и 2-ой дючины Б. Туниш – по 200–250 голов», – отмечал С.П. Швецов¹⁸. Скот закупали скупщики из Бийска, Томска и других городов, а также местные скототорговцы. С 1899 по 1912 гг. продажа живого скота возросла с 15,6 до 28 тыс. голов. А объем продажи шерсти увеличился в 6 раз, сала – 2,5 раза, кожи – 2,1 раза и мяса – на 10%¹⁹.

В сельском хозяйстве второе место занимало земледелие. Под пашнями было занято около 1% и под сенокосами – 2% сельскохозяйственных угодий Горного Алтая²⁰. В конце XIX в. земледелие основывалось на залежно-переложной системе, а в начале XX столетия возрастает роль залежной и залежно-паровой систем. В южных районах из-за жаркого лета и малых осадков использовалось традиционное орошение (полив) посевов. В севообороте чаще всего встречалось двуполье (хлеб – черный пар в течение ряда лет, а потом земля оставлялась в залежь).

Алтайское население обрабатывало посевы и убирало урожай в основном старыми орудиями: андазыном (соха), салой (срубленное дерево с отсеченными ветками), серпом, аргушем (кривой нож). Однако в хозяйствах зажиточных алтайцев стали применять легкие плуги, борона с железными зубьями и литовки. В начале XX в. распространяются усовершенствованные сельскохозяйственные орудия и машины²¹. Обработанные материалы переписи 1917 г. по 4277 хозяйствам (в т.ч. 2958 алтайских и 1319 русских) показали, что у алтайцев в расчете на 100 хозяйств приходилось 64 дес. посева, 23 пахотные орудия, 35 борон и 2 сложного инвентаря, а у русских крестьян они составили соответственно 280, 53, 147 и 34 штук. В условиях преобладания залежно-паровой системы урожайность культур была низкой. По сведениям за 1896 и 1913 гг. урожай пшеницы колебался в пределах 40–60 пудов с десятины, овса – 49–55 и ячменя – 35–55 пудов²².

Обратимся к основным показателям производства продуктов земледелия (табл.2). За 1897–1916 гг. площади посевов в Горном Алтае увеличились в 2,6 раза (с 7837 до 20389 дес.), в том числе овса – в 5,4 раза и пшеницы – в 2,3 раза. Это, несомненно, результат освоения целинных земель крестьянами-переселенцами и роста оседлости среди алтайцев. Так, если в 1897 г. земледелием занимались 49% алтайских хозяйств, то в 1908 г. – около 53%²³. Расширение посевных площадей привело к росту валовых сборов продуктов земледелия. За 1898–1911 гг. общий объем

сборов основных зерновых возрос в 1,5 раза (с 510 тыс. до 763 тыс. пудов), в том числе пшеницы – в 1,8 раза (со 144 до 269 тыс.), овса – 2 раза (со 145 до 289 тыс.) и ржи – в 3 раза (с 15,6 до 51 тыс.). Уменьшились (на 25%) лишь сборы ячменя (с 204,7 до 153,7 тыс.), что было вызвано, вероятно, снижением ее урожайности²⁴. Горный Алтай относился к регионам с дефицитом хлеба. Небольшие излишки хлеба имелись только в Уймонской волости. Недостающий хлеб жители горного края восполняли за счет покупки и обмена на местных ярмарках, куда привозили зерно и муку крестьяне и торговцы из соседних предгорных районов Алтайского округа.

Промыслы и торговля. По сведениям на 1897 г. пчеловодством занимались 908 дворов или 11,5% всех хозяйств (в т.ч. 3,3% алтайских), а в 1908 г. – 15,8% хозяйств (6,7% алтайских). За это время количество ульев возросло с 24,1 до 44,2 тыс. Мед и воск сбывали на местных ярмарках, например, Улалинской, в Бийске, а также частным торговцам. Основной объем меда (78%) поступал с Уймонской, Шебалинской и Комляжской волостей. В последующие годы количество пчеловодов, как и ульев, пошло на убыль. Так, в 1916 г. насчитывалось 24,5 тыс. ульев. По сведениям на 1897 г. охотой и кедровым промыслом занимались 84% хозяйств, а в 1908 г. – 36,3% всех хозяйств (в т.ч. 44,4% алтайских и 13,2% русских). Охотничий промысел был распространен повсеместно, а сбор кедрового ореха – в таежном и правобережном районах. В благоприятные годы в Горном Алтае заговлялось и поставлялось на рынок до 350 тыс. пудов кедрового ореха. Охотой занимались в основном алтайское население и небольшая часть русских крестьян. Главным промысловым зверем являлась белка, но охотились также на лисицу, медведя и других. Хищническая добыча с применением огнестрельного оружия привела к уменьшению пушного зверя. Если в 1896 г. в Горном Алтае было добыто 873 тыс. условных «беличьих единиц», то в 1909 г. – только 414 тыс. единиц (снижение в 2 раза)²⁵.

Свидетельством роста мелкотоварного производства в сельском хозяйстве является распространение в крупных селах торжков, базаров и сезонных ярмарок. В 1908 г., например, постоянные базары действовали в четырех, а сезонные ярмарки – в девяти селах (Улале, Катанде, Черном Ануе, Белом Ануе, Онгуде и др.)²⁶. В налаживании торговых связей между районами Горного Алтая, с уездным центром большую роль выполнял Кебезенский, Чемальский, Уймонский тракты и особенно Чуйский тракт (проходил через весь Горный Алтай с северо-запада на юго-восток), по которому осуществлялась торговля с Западной Монголией. За

1892–1910 гг. объем вывоза товаров в Монголию через Чуйский тракт увеличился в 4 раза (с 175 до 739 тыс. руб.), а ввоза – в 20 раз (с 200 до 4014 тыс. руб.). Основными товарами экспорта были хлопчатобумажные ткани, выделанная кожа (юфть), панты, серебро и металлические изделия, а импорта – шерсть (овечья, верблюжья), шкуры сурка, шелковые ткани, чай и живой скот.

В 1899 г. в Горном Алтае было зарегистрировано 50 торговцев (с общим годовым оборотом в 75 тыс. рублей), а в 1912 г. – 104 торговца (оборот – 754 тыс. руб.). Из среды зажиточных алтайцев выделяются мелкие и средние торговцы, не чуждались торговли и крупные богачи, например, братья Тобоковы, А. Кульджинев. В процессе оживления торговли крупные села – Улала (ныне Горно-Алтайск), Майма, Шебалино, Онгудай и другие – становятся торгово-ремесленными центрами²⁷.

Социальные отношения. В рассматриваемое время традиционное алтайское общество продолжало трансформироваться в сторону формирования элементов мелкотоварных, капиталистических отношений. Среди крупных скотоводов формируются бай-предприниматели, ориентированные на товарное хозяйство. Бай нового типа улучшали породность и содержание скота в своем хозяйстве, стали использовать усовершенствованные орудия и машины, применяли труд пастухов и других наемных работников. Так, по переписи 1917 г. в хозяйстве Аргыма Кульджинова (с сыном Карманом) было 970 лошадей, 1066 крупного и 206 мелкого рогатого скота. Манди Кульджинов владел 1600 лошадьми, 1330 КРС, 400 овцами, 60 маралами. У него, как и у Аргыма, был конный завод, использовал труд 6 постоянных наемных работников. В хозяйстве Оруски Шабуракова с сыном Шугуром было 643 лошадей, 148 КРС и 2 конных завода²⁸.

В противоположность баям-предпринимателям образуются сельские батраки (жалчы), пополнявшиеся из среды разорившихся бедняков. Батрачество было представлено пастухами, ямщиками и домашней прислугой. По сведениям П.М. Юхнева, в 1897 г. «своих наличных сил» отдавали наемному труду 12% алтайских и 24% русских хозяйств. Нанимали срочных, поденных рабочих соответственно 12 и 19% хозяйств²⁹. Однако в алтайском обществе сохранялись значительные группы бедняцких (жокту) и среднеобеспеченных (талортолу) хозяйств. Средние слои крестьян также втягивались в рыночные, мелкотоварные отношения, хотя основная их часть сохраняла полунатуральное хозяйство.

Выше указанные социально-имущественные группы алтайского общества являлись носителями разных социально-экономических отноше-

ний: патриархальных, мелотоварных и примитивно-капиталистических. К патриархальным (докапиталистическим) отношениям относились раздача рабочего и продуктивного скота во временное пользование (содержание), различные формы помочи, складчины, супряги и отработки³⁰. Под воздействием капиталистического рынка патриархальные отношения или исчезали, или трансформировались в отношения найма скота, инвентаря и рабочей силы.

О соотношении форм найма, помочей и складчины некоторое представление дают обработанные данные переписи 1917 г. по 4277 хозяйствам³¹. Они показали, что к наемному труду, помочам и складчине в совокупности обращались 16% алтайских и 40% русских хозяйств. Среди алтайцев труд поденных рабочих использовали 46% хозяйств, сроковых (от месяца до года включительно) – 5% и сдельных рабочих – свыше 7% и смешанным способом – 28% хозяйств. К помочам (складчине) прибегали 14% алтайских и 13% русских хозяйств.

По тем же данным на 1917 г. к аренде земли обращались 13,6% всех хозяйств и сдавали землю в аренду 3% хозяйств. Основную массу арендаторов (около 64%) составляли бедняцкие и маломощно-середняцкие хозяйства. На их долю приходилось немногим более 14% всей арендованной земли. Зажиточная группа (5% арендующих хозяйств) обладала 75% арендного фонда. Главным источником аренды были земли Кабинета (87% арендованной земли). В Горном Алтае практиковалась краткосрочная (одногодичная) аренда земли³². Для основной массы крестьян аренда земли не имела существенного значения, ибо основу их землепользования составляли наделные земли.

Развитие товарно-рыночных отношений приводило к усилению имущественного и социального расслоения крестьян. Для анализа данного явления используем материалы обследований 1908 г. (охвачено 75–80% хозяйств) и обработанные данные переписи 1917 г. (по 20–25% всех хозяйств)³³. Эти две группы материалов дают представление о характере и масштабе расслоения крестьянства Горного Алтая в начале XX столетия. В 1908 г. алтайская бедняцкая группа (свыше 41% всех хозяйств) имела мизерную часть скота – 4% лошадей и 5% КРС. А зажиточная группа (8–11% хозяйств) сосредотачивала почти 60% лошадей и 70% КРС. Остальной скот находился в середняцких хозяйствах. В 1917 г. среди алтайцев бедняцкие хозяйства (с 1–2 раб. лошадьми) в среднем имели 3–4 едока, 6 КРС, 4 МРС и 0,3 дес. посева. В середняцких хозяйствах (с 7–20 раб. лошадьми) было 5 едоков, 16–17 лошадей, 14–15 КРС, 15–16 МРС и 0,9 дес. посева. Зажиточно-байские хозяйства (более 20 раб. лошадей) при

8 едоках, имели 126 лошадей, 52 КРС и 54 МРС и почти 1 дес. посева. Алтайские хозяйства пахотным и другим инвентарем были обеспечены плохо.

Приведенные данные показывают, что в алтайском обществе происходило имущественное и социальное расслоение. Старое патриархально-натуральное хозяйство разрушалось, формировались новые социальные слои: баи-предприниматели и сельские батраки. Аграрная, административная и податно-налоговая реформы, при заметном развитии сельского хозяйства и торговли приводили к усилению хозяйственных, культурных связей и отношений между разными районами, социальными и этническими группами населения Горного Алтая.

Изменения в этнической структуре алтайцев. Охарактеризованные социально-экономические факторы оказывали существенное влияние на этнические процессы в Горном Алтае. Среди этих процессов следует выделить, прежде всего, то что аграрные и административные реформы привели к почти полной ликвидации в земельных отношениях и местном управлении алтайского населения патриархальных (родовых) черт и утверждению новых принципов, присущих всему крестьянству. Далее, развитие сельского хозяйства в русле рыночно-капиталистических отношений ускорило переход основной части полукочевого алтайского населения к оседлому образу жизни. По переписи 1916 г. в Горном Алтае ведущее место занимали села, поселки (аилы) и деревни, составившие свыше 59% всех селений. В них проживало почти 71% всего населения, а по «урочищам» (полукочевые селения) – лишь четвертая часть. Остальное население (4%) жило в арендных селениях, заимках и хуторах. Анализ материалов административного учета 1902 г. и обследования 1908 г. показал, что большинство алтайского населения (50–55%) вело оседлый образ жизни³⁴.

Усиление хозяйственных, культурных связей и отношений между разными районами, а также внутренняя и внешняя миграции населения оказали существенное влияние на этнические процессы в Горном Алтае. В конце XIX в. коренное население Горного Алтая состояло из шести этнотерриториальных групп: собственно алтайцев, теленгитов, телеутов, тубаларов, кумандинцев и чалканцев. По переписи 1897 г. удельный вес алтайцев составлял 50,6% всего коренного населения (свыше 41 тыс. чел.) и остальных этнических групп – соответственно 12,7, 14,1, 10,9, 9,5 и 2,2%³⁵. А по расчетам данных на 1912 г. удельный вес алтайцев достиг 55,2%, а остальных пяти этнических групп – соответственно 15,4, 6,6, 11,1, 9,1 и 2,6%³⁶. Более чем двукратное снижение доли (и численности) телеутов

можно объяснить, вероятно, переводом значительной части телеутов в разряд крестьян. Ибо к концу XIX в. они в культурно-бытовом отношении стали православными (95%), русскоязычными (84%) и полностью перешли на русский крестьянский быт.

Однако для конца XIX – начала XX вв. доминирующими тенденциями стали рост численности коренного населения (в 1912 г. составила 46 тыс. человек), расширение и укрепление хозяйственных и культурных взаимосвязей между его территориальными и этническими группами. Все это свидетельствовало о консолидации этнических групп в новую общность – алтайскую народность (алтай албаты). Указанные процессы отмечены многими исследователями того времени³⁷. Так, по материалам переписи 1897 г., обработанным С. Паткановым, около 83% коренного населения считали родным алтайский язык³⁸. Об уровне этнической консолидации коренного населения свидетельствуют также материалы всеобщих переписей 1920 и 1926 гг., согласно которым к алтайцам относились соответственно около 80 и 88% всего коренного населения Горного Алтая³⁹. Алтайцы, как и всякая развивающаяся народность с сельским укладом жизни основного населения, сохраняли многоступенчатую этническую структуру (этнотерриториальные группы, роды), этнографические особенности в быту, религиозных верованиях, обычаях и диалектах.

Таблица 1. поголовье скота в Горном Алтае,
1897–1916 годы тыс. голов⁴⁰

	1897 г.		1902 г.		1908 г.		1912 г.		1916 г.	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%
Лошади	134,4	29,4	137,5	31,8	172,1	30,4	176,8	31,6	143,0	30,5
КРС	97,5	21,3	99,2	23,0	158,0	27,9	144,4	25,8	146,0	31,1
Овцы	223,4	48,9	131,2	30,4	230,4	40,7	157,7	28,2	132,7	28,3
Козы	1,6	0,4	63,2	14,6	5,5	1,0	80,6	14,4	35,1	7,5
Прочий скот			0,7	0,2			с.н.		12,6	2,6
в т.ч.:	с.н.	-			0,6	-				
маралы	с.н.	-	0,3	-	0,5	-			1,9	-
верблюды			0,4	-					0,5	-
Всего	456,8	100	431,8	100	566,0	100	559,5	100	469,1	100

Таблица 2. Площади посевов в Горном Алтае, дес.⁴¹

Годы	Пшеница	Ячмень	Рожь	Овес	Прочие	Всего
1897	2827	2341	109	1529	1031	7837
1909	3724	2505	2410	3749	327	12715
1916	6141	3969	923	8220	1136	20389

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Жидков Г.П. Кабинетское землевладение (1747–1917 гг.). – Новосибирск, 1973; Екеев Н.В. Горный Алтай в конце XIX – начале XX веков: Учебное пособие. – Горно-Алтайск, 1991; Екеев Н.В., Самаев Г.П. Горный Алтай в конце XIX–начале XX веков: Учебное пособие. – Горно-Алтайск, 1994; Екеев Н.В. Проблемы исторической этнографии алтайцев в отечественной науке XIX–XX вв. // Г.Н. Потанин и народы Алтае-Саянского горного региона: через века в будущее. – Горно-Алтайск, 2005; Коренные этносы Горного Алтая (конец XIX–начало XXI вв.) / Н.В. Екеев, Н.М. Екеева, С.П. Суразакова. – Горно-Алтайск, 2006; Майдунова, Н.А. Горный Алтай в конце XIX – начале XX вв. – Горно-Алтайск, 2000 и др.

² ЦХАФАК. Ф. 29. Оп. 1. Д. 417. Л. 11–18.

³ Екеев Н.В. Горный Алтай в конце XIX – начале XX веков, с. 14–15.

⁴ Алтайско-Томская часть Сибири по данным с.-х. переписи 1916 года. – Томск, 1927. – С. 92, 102.

⁵ РГИА. Ф. 468. Оп. 27. Д. 426. Л. 77–78; ЦХАФАК 5. Л. 74; Обзор деятельности округа за пятилетие (1911–1915 гг.). – Барнаул, 1916. – С. 48.

⁶ Экономический и статистический обзор Ойротской автономной области. – Ула-ла, 1925. С. 4.

⁷ Мамет Л.П. Ойротия. – М., 1930. – С. 73; ЦХАФАК. Ф. 29. Оп. 1. Д. 728. Л. 3.

⁸ Обзор деятельности округа за пятилетие (1911–1915 гг.), с. 22, 84–91, 150.

⁹ Жидков Г.П. Кабинетское землевладение (1747–1917 гг.), с. 154–156; ГАТО. Ф. 3. Оп. 45. Д. 858.

¹⁰ Горный Алтай и его население / Сост. С.П. Швецов. – Барнаул, 1900. – Т. I. – Вып. 1. – С. 336–337.

¹¹ РГИА. Ф. 468. Оп. 27. Д. 92. Л. 225, 227–230.

¹² Памятная книжка Томской губернии на 1912 год. – Томск, 1912. – С. 176.

¹³ Екеев Н.В. Горный Алтай в конце XIX – начале XX веков... С. 26–27.

¹⁴ Азиатская Россия. – СПб., 1914. – Т. 1. – С. 427.

¹⁵ Екеев Н.В. Горный Алтай в конце XIX – начале XX веков, с. 29.

¹⁶ ЦХАФАК. Ф. 192. Оп. 1. Д. 71. Л. 8–152; ГАТО. Ф. 3. Оп. 45. Д. 881. Л. 37–38; Алтайско-Томская часть Сибири, с. 111; Отчет начальника Алтайского округа В.П. Михайлов по ознакомлению с Горным Алтаем в лето 1910 года. – Барнаул, 1910. – С. 117.

¹⁷ ЦХАФАК. Ф. 192. Оп. 1. Д. 71. Л. 8–152; Там же. Д. 157. Л. 66; Там же. Д. 180. Л. 24, 73; ЦХАФАК. Ф. 233. Оп. 1а. Д. 427, 702–709.

¹⁸ Горный Алтай и его население. – Т. 1. – Вып. 1. – С. 354–355.

¹⁹ Екеев Н.В. Горный Алтай в конце XIX – начале XX веков, с. 29.

²⁰ Экономический и статистический обзор Ойротской автономной области, с. 4.

²¹ Горный Алтай и его население, т.1, вып. 1, с. 311–312; Экономический и статистический обзор Ойротской автономной области, с. 15.

²² Горный Алтай и его население, с. 311–312; Урожай хлебов и трав в Томской губернии в 1913 г. – Томск, 1913. – С. 21–23.

²³ Екеев Н.В. Горный Алтай в конце XIX – начале XX веков, с. 31; Горный Алтай и его население / Сост. С.П. Швецов, П.М. Юхнев. – Барнаул, 1901. – Т. 2. – С. 303–304; РГИА. Ф. 468. Оп. 27. Д. 92. Л. 225–226.

- ²⁴ Екеев Н.В. Горный Алтай в конце XIX – начале XX веков, с. 32–33.
- ²⁵ ЦХАФАК. Ф. 29. Оп. 1. Д. 981. Л. 118–119; Алтайско-Томская часть Сибири, с. 10–11; Азиатская Россия, с. 428.
- ²⁶ ГАТО. Ф. 3. Оп. 19. Д. 1684. Там же. Оп. 44. Д. 5252. Л. 16–17; Там же. Оп. 45. Д. 881. Л. 6–18, 37–38.
- ²⁷ ГАТО. Ф. 3. Оп. 45. Д. 881; Там же. Ф. 234. Оп. 1. Д. 439; Там же. Ф. 192. Оп. 1. Д. 157; Там же. Д. 180; Д. 201. Л. 113–125, 133–138; Там же. Д. 206. Л. 234–301; ГАТО. Ф. 3. Оп. 44. Д. 5252. Л. 44–147об.; ЦХАФАК. Ф. 192. Оп. 1. Д. 206. Л. 234–301.
- ²⁸ ЦХАФАК. Ф. 233. Оп. 1а. Д. 139–143, 162, 411–432, 478–484 и др.
- ²⁹ Горный Алтай и его население / Сост. П.М. Юхнев. – Барнаул, 1903. – Т. 1. – Вып. 2. – С. 153–154.
- ³⁰ Сибирь в прошлом и настоящем. – Новосибирск, 1937. – С. 9.
- ³¹ Екеев Н.В. Горный Алтай в конце XIX – начале XX веков, с. 43; ГАТО. Ф. 3. Оп. 45. Д. 600. Л. 34–35; Там же. Д. 881. Л. 22–23.
- ³² Екеев Н.В. Горный Алтай в конце XIX – начале XX веков, с. 44–45.
- ³³ РГИА. Ф. 468. Оп. 27. Д. 92. Л. 224–225; ЦХАФАК. Ф. 233. Оп. 1а. Д. 139–143, 162, 411–432, 478–484 и др.
- ³⁴ ГАТО. Ф. 239. Оп. 16. Д. 90, 92, 94–96, 101, 102б, 102г, 102д: Памятная книжка Томской губернии на 1904 год. – Томск, 1904. – С. 549, 574, 584–587 и др.; РГИА. Ф. 468. Оп. 27. Д. 92. Л. 225, 227–230.
- ³⁵ Патканов, С. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и род инородцев // Записки РГО по отделению статистики. – СПб., 1911. – Т. XI. – Вып. 2. – С. 197–223, 282–283.
- ³⁶ Екеев Н.В. Проблемы исторической этнографии алтайцев в отечественной науке XIX–XX вв., с. 17.
- ³⁷ Ядринцев Н.М. Сибирские инородцы, их быт и современное положение. – СПб., 1891; Он же. Об алтайцах и черневых татарах // Известия РГО. – СПб., 1881. – Т. 17. – Вып. 4. – С. 228–254; Соболев М.Н. Русский Алтай (Из путешествия на Алтай в 1895 г.) // Землеведение. – 1897. – Кн. 3–4. – С. 51–110; Швецова М. Алтайские калмыки // Записки РГО. Западно-Сибирский отдел. – Омск, 1898. – Кн. 23. – С. 3.
- ³⁸ Патканов, С. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и род инородцев, с. 123, 194–196.
- ³⁹ ЦХАФАК. Ф. Р–212. Оп. 1. Д. 16. Л. 70–71; Екеев Н.В. Социально-экономическое развитие деревни Горного Алтая в 1920-х годах, с. 157.
- ⁴⁰ Горный Алтай и его население, т. 2, с. 304–306; ГАТО. Ф. 3. Оп. 45. Д. 600. Л. 28–31; Д. 881. Л. 18–19; Ф. 234. Оп. 1. Д. 439. Л. 34; РГИА. Ф. 468. Оп. 27. Д. 92. Л. 225; Алтайско-Томская часть Сибири, с. 92–96, 102–106.
- ⁴¹ Горный Алтай и его население, т. 2, с. 304–305; ГАТО. Ф. 234. Оп. 1. Д. 449. Л. 10–11; Алтайско-Томская часть Сибири, с. 96–97, 107–109.

ГОРНЫЙ АЛТАЙ В XIX СТОЛЕТИИ: ВОПРОСЫ МЕСТНОГО УПРАВЛЕНИЯ, СУДОПРОИЗВОДСТВА И ПОДАТЕЙ АЛТАЙСКОГО НАСЕЛЕНИЯ*

Несмотря на известные достижения исследователей XIX – XX вв. основные проблемы истории Горного Алтая второй половины XVIII – XIX вв. до сих пор слабо изучены. Труды авторов XIX в. – А.М. Горохова, А. Бунге, В.В. Радлова, Н.М. Ядринцева, С.П. Швецова и других содержат ценные наблюдения авторов и документальные материалы. Среди названных авторов следует выделить работы С.П. Швецова, написанные на основе собственного обследования 1897 г. и архивных документов (приговоры родовых, волостных управлений, решения администраций Бийского округа и Томской губернии). Они до сих пор не утратили научную ценность. В большинстве работ исследователей XX в. (С.А. Токарев, Л.П. Потапов, Н.С. Модоров, Г.П. Самаев и др.) [5; 6; 8; 11] основное внимание уделяется характеристике (преимущественно с классовых позиций) общественного строя алтайцев, института зайсаната, ясачной подати и их места в общей системе государственного административно-податного управления России. Тем не менее, такие конкретные вопросы, как изменение статуса должностных лиц родового (волостного) управления, судопроизводства, форм повинностей (сборов) населения Горного Алтая нуждаются в дальнейшем изучении. В настоящей статье предпринимается попытка рассмотрения указанных конкретных аспектов интересующих проблем с акцентом на коренное алтайское население. В основу статьи положены факты и свидетельства, отложившиеся в трудах исследователей XIX в., а также архивные материалы.

Местное управление. После присоединения Горного Алтая к Российскому государству алтайцы сохранили права на внутреннее общественное управление согласно нормам их обычного права, унаследованным с джунгарского времени. Как отмечал Г.И. Спасский, алтайцы и теленгиты-двоеданцы, «со стороны России и Китая оставлены на собственных правах, в зависимости их зайсангов, шуленге и демичей, кроме важных преступлений, или неудовольствия на их суд. В таких случаях дела поступают от российских подданных в наши судебные места, а двоеданцы отсылаются зайсангами в китайский пограничный город Улатай, где поступают с ними по указанию китайских законов» [10, с. 24]. А по наблюдениям А.М. Горохова: «Каждая дючина или волость составляет особый род, управляемый зайсангом, которому подчиняется один или два

* См. Билим. Науч. журнал / НИИ алтаистики им. С.С. Суразакова. – Горно-Алтайск, 2009. – № 5. – С. 54–63.

демичи; каждый демичи имеет в ведении своем двух или трех шуленгов, которые начальствуют над десятниками или арбанаками. Сих последних в роду бывает по два–три» [2, с. 205]. Он был достаточно осведомлен об общественной жизни и быте алтайцев, потому что в 1803–1809 гг. служил земским исправником Бийского округа, а позднее – чиновником канцелярии Горного правления. По мере роста численности населения дючин, увеличивалось количество демичи и шуленги. Через 20 лет (в 1826 г.), по сведениям А. Бунге, под началом одного зайсана обычно состояли три–пять демичи, которым подчинялись шуленги, а также арбанаки, т.е. «начальствующие над десятком домохозяев» [1, с. 265]. В 1860 г. В. Радлов установил, что в двух алтайских дючинах (2-й и 6-й) было по 2 демичи, четырех дючинах (1, 3, 5 и 7-й) – по 5 демичи и в самой крупной 4-й дючине было 7 демичи [7, с. 126].

Зайсаны и демичи относились к старинным княжеским кланам (фамилиям) и до конца 70-х гг. XIX в. занимали должности по наследству. Так, после смерти зайсана или в случае отказа его от должности, новым зайсаном выбирали его сына. В случае несовершеннолетия наследника управление дючиной осуществлялось под патронажем его матери или близкого родственника совместно с демичи. Если у зайсана наследника не было, то избирался его брат или другой близкий родственник, причем принималось во внимание его способности для занятия должности. Потомственных зайсанов, т.е. занимавших должность по праву рождения, алтайцы называли *укту јайзанг* – родовитыми (родовичами). В середине XIX столетия из семи алтайских зайсанов только четверо (1, 2, 3 и 4-й дючин) были потомственными (*укту*), происходившими от зайсанов джунгарского времени. Среди алтайцев они пользовались особым уважением. Согласно утверждению А. Бунге, алтайские князья–зайсаны имели чин майора и потомственное дворянство. Например, зайсан 4-й дючины Митрей (Дмитрий Битюкин) за верную службу был награжден двумя золотыми медалями. Зайсаны награждались также и кафтанами, расшитыми золотым галуном [1, с. 256; 7, с. 124, 126]. Одним из главных символом власти зайсана была печать («тамга») родового управления, выдаваемая Томской губернской администрацией при создании каждой дючины и кочевой волости, а также персональная жалованная грамота на звание. Должность демичи занимали пожизненно по такому принципу, как и должность зайсана. Первые три должности родового управления утверждались Томской губернской администрацией. Демичи, кроме сбора податей, выполнял обязанности судьи по делам, входящим в юрисдикцию обычного суда; на них возлагались обязанности помощников

зайсанов. Должность шуленги имела полицейский характер, и соответствовала сотнику, а арбанак – десятнику [2, с. 205, 218; 13, с. 232, 236]. Следовательно, знатную верхушку алтайского общества составляли зайсаны (зайсанги), демичи и шуленги, на которых возлагались обязанности по решению хозяйственных и административно-судебных вопросов во вверенных им дючинах и кочевых волостях.

Однако с 1879/1880 г. по распоряжению томской губернской администрации алтайские зайсаны стали избираться на три **года**, а демичи – на **один** год, причем те и другие могли быть **устранены** губернской администрацией. Одновременно с этим распоряжением зайсаны **были** лишены прежних чинов и в официальных документах стали называться родовыми старостами, а демичи – помощниками старост, причем в каждой дючине должно быть не более двух демичи. Следует отметить, что впервые подобное административное преобразование было проведено в конце 1850-х гг. среди телеутов Кузнецкого округа. Новые правила вызвали волнение среди алтайцев, расценивших это как попытку перевода их в «русскую веру». 1 февраля 1880 г. зайсаны 2, 5, 6 и 7-й дючин составили приговор, в котором ходатайствовали об оставлении им звания зайсанов и демичей, и о разрешении не сокращать числа демичей. Они основывались на том, что при переходе в российское подданство им «дано было звание зайсанов и демичей», а также, что уменьшение численности демичей приведет к замедлению сбора ясака и путанице в других общественных делах дючин. Данное ходатайство было оставлено без удовлетворения. Хотя в официальных документах зайсаны и демичи стали именоваться родовыми старостами и помощниками старост, но фактически (и тем более среди алтайцев) они продолжали носить прежние названия. В реальной жизни установился известный компромисс между старым и новым порядком. По истечении трех лет вновь выбирали действующего зайсана, и так продолжалось до его смерти или до тех пор, пока он сам не отказывался – тогда избирали кого-нибудь из его ближайших родственников. Впрочем, новые условия вынуждали зажиточную верхушку алтайцев считаться с губернской и окружной администрацией, которая **могла иногда не** утверждать вновь избранного зайсана или устранять от должности действующего зайсана. В таком случае избиралось другое лицо, но этот зайсан уже не считался родовичем, так как он был избран «не по праву первородства» и в большинстве случаев не принадлежал к клану прежнего зайсана. В конце XIX в. **не потомственные** зайсаны стояли во главе 1-й, 2-й дючин и 2-й чуйской волости. Однако большинство дючин и кочевых волостей управлялись родовичами – потомственными

зайсанами. То же самое можно сказать и о демичах, которые служили обычно пожизненно, будучи избираемы каждый год, и по-прежнему из знатных кланов. В связи с введением новых правил зайсаны стали получать жалованье от 50 до 80 рублей в год. Сверх того, «по древнему обычаю» дючина особым приговором давала зайсану одного или двух работников – *ярчи*, мотивируя это тем, что зайсан, занимаясь общественными делами, не имел времени для ведения своего хозяйства. Работники (*ярчи*) давались и прочим должностным лицам родовой администрации алтайцев. В обязанности зайсана входили организация учета численности платежных душ, распределение повинностей и норм ясака в своей дючине (волости). Он также занимался разбирательствами маловажных споров и преступлений, а в серьезных случаях собирал своих демичей, лиц причастных к делу, свидетелей и после разбирательства выносил общее решение. Если стороны относились к разным дючинам и кочевым волостям, то соответствующие зайсаны вместе принимали решение по делу [7, с. 127; 13, с. 237–239].

В общественной жизни алтайцев сохранилась старинная традиция созыва съезда – *суглана* (по-алтайски: *чогулган*), в назначенное место и время, по предварительному приглашению родоначальников и знатных людей. По уровню представительности и важности обсуждаемых вопросов съезды были общими, народными (присутствовали родоначальники всех дючин и черневых волостей) и локальными (участвовали родоначальники заинтересованных дючин и волостей). На таких съездах зайсаны и демичи совещались по разным общественным нуждам, разбирали тяжбы подчиненных, примиряли участников тяжбы. Виновный обязан был тут же оплатить убытки, и сверх того мог понести телесное наказание. Дела, касающиеся всего алтайского народа, например, об упорядочении орехового или звериного промысла, о раскладке различных сборов и повинностей, решались народным съездом, где присутствовали зайсаны, демичи и влиятельные домохозяева всех дючин; иногда съезжалось до 200 человек. Примерно с 90-х гг. XIX в. 1-я дючина стала редко высылать своих представителей на народный съезд, хотя постановления съезда считались для нее обязательными. Иначе говоря, наметилась тенденция перехода от общих съездов к локальным (ограниченным) съездам, на которые съезжались представители дючин, непосредственно заинтересованные в предстоящих решениях съезда [2, с. 212; 13, с. 234, 241–242].

В общественном управлении населения двух чуйских волостей, до их присоединения к России, имелись некоторые отличия. По наблюдениям П. Чихачева, посетившего Чуйскую степь в 1842 г., в руках зайсанов чуй-

ских волостей сосредотачивалась, кроме права назначать демичи, шуленги и бошко, «почти вся административная и судебная власть, и они только в редких случаях прибегают к посредничеству высшего начальства» [12, с. 420]. Родоначальники чуйских волостей получали от цинского правительства форменные шапки со знаками отличия. Шапка зайсана была увенчана светло-голубым шариком полковника (*ухери-да*) и павлиньим пером, демичи – синим шариком *джерги янггин*, шуленги – белым прозрачным шариком *кунди бошко*. Заметим, что звание *кунди* («почетный») соответствовало званию шуленги, а бошко – арбанака. Все внутренние дела в волостях (кошунах) зайсаны решали под формальным контролем маньчжурских (китайских) чиновников, наведывавшихся на ближайший пограничный пикет Суок. Но поскольку китайские чиновники не имели права вступать на теленгитские кочевья, считавшиеся российской территорией, то зайсаны фактически самостоятельно управляли подведомственным населением. Двойственное политическое положение чуйских теленгитов обязывало их выполнять ряд обязательств и по отношению российского правительства. Помимо внесения в Бийское окружное казначейство натуральной подати (*калан*), теленгитские зайсаны заботились о спокойствии и порядке на своих кочевьях; при необходимости предоставляли российским чиновникам лошадей, обеспечивали безопасность и охрану имущества россиян, находившихся на их кочевьях. После принятия российского подданства в 1865 г. чуйские теленгиты стали управляться точно так же, как и остальные алтайцы [7, с. 126–128, 130; 4, с. 18].

Политика российского правительства по ограничению прав общественного управления алтайцев и других народ Сибири во второй половине XIX в. привела к усилению произвола, своекорыстия и злоупотреблений окружного чиновничества. «Зайсанги и родовые начальники, пробовавшие защитить свои роды, почувствовали свое бессилие в борьбе и кончили тем, что соединились с заседателями для обирания своих подчиненных» – отмечал Н.М. Ядринцев [15, с. 107].

Судопроизводство. Согласно «Уставу об управлении инородцев» 1822 г., кочующие народы Сибири управлялись «по их собственным степным законам и обычаям». Судебные разбирательства жителей дючин и кочевых волостей Горного Алтая производились сначала в родовых управлениях. Если одна из сторон окажется неудовлетворенной данным решением, то имела право «сыска» («отзыва») – обращения с жалобой к бийским окружным властям: земскому заседателю или в полицейское управление. Срок подачи «отзыва» не превышал одного месяца, а в некоторых особо важных случаях мог быть продлен до одного года. В даль-

нейшем спорное дело рассматривалось народным судом (по-алтайски: *жаргы*), который созывался и проходил под председательством окружного исправника и земского заседателя. Подобный народный суд решал дела, руководствуясь нормами обычного права алтайцев. Когда стороны никак не могли прийти к соглашению, то дело решалось по российским законам. В этом случае председательствовал исправник с тремя зайсанами, выступавшими в роли заседателей. Решения такого суда считались окончательными и обжалованию не подлежали. Тяжкие преступления (убийство, грабеж, поджог и т.п.), а также споры между представителями алтайских и русских общин рассматривались в Бийском земском суде по нормам российского законодательства [7, с. 127–128].

Основная масса судебных тяжб рассматривалась внутри дючины (волости) и редко передавалась в окружной суд. К преступлениям, с которыми приходилось иметь дело обычному суду алтайцев, относились: драки, оскорбления, имущественные тяжбы, бракоразводные дела (включая невозвращение калыма после расторжения брака), кражи, а также нарушения крещеными алтайцами церковных постановлений (камлание и др.). При судебных разбирательствах по сложным делам применялась тягостная процедура приведения к присяге («шерть»): прикасание к голове медвежьей шкуры, а чаще к накрытому медной монетой дулу лежащего на сошках заряженного ружья и обещание говорить только правду. После присяги стреляли из ружья в воздух. Во второй половине XIX в. подобные присяги перестали применять. За все указанные преступления и проступки существовали три вида наказания: вознаграждение потерпевшего или возмещение понесенных им убытков; штраф в пользу общества «за беспокойство» (аналог судебных издержек), и, наконец, розги, применявшиеся «в качестве домашнего исправления по обычаям народа» (не превышали 50 ударов). Арест, как наказание, применялся к виновным за неоднократное совершение преступления и по требованию бийской окружной администрации. Так, за преступления (например, конокрадство), совершенные свыше трех раз, виновные должны были понести наказание в виде заключения в окружную тюрьму, или высылки в Енисейскую и Иркутскую губернии. Имущественные тяжбы между чуйскими теленгитами и российскими подданными (алтайцами, русскими купцами) рассматривались сначала третейским судом, назначаемым зайсанами обеих сторон, а также в присутствии представителей окружной власти. Если там не достигалось согласия, то стороны обращались в суды своих государств. Так, например, иски русских купцов к жителям чуйских волостей разбирались в российском посольстве в Пекине [2, с. 221; 7,

с. 129; 13, с. 242–243]. Подобные судебные разбирательства возникали крайне редко.

Повинности (подати). Согласно российскому законодательству все повинности кочевого и оседлого населения определялись в рублях и разделялись на окладные и неокладные сборы. К окладным повинностям (по-алтайски: *калан*) относились ясак (первоначально исчислялся соболями и белками), подушная подать, губернский земский сбор и волостные повинности. К неокладным повинностям (по-алтайски: *албан*) относились сборы на содержание земской гоньбы, квартир, церковные сборы и др. Податные оклады (повинности) разверстывались на всех мужчин податного возраста: в дючинах – от 18 до 50 лет, в черневых волостях – от 16 до 50 лет. От всех сборов освобождались должностные лица родового управления, калеки, нищие и другие обездоленные люди, следовательно, окладная сумма делилась на общее количество годных работников («душ») [13, с. 243, 245].

Проследим изменения размеров и форм сборов (повинностей) кочевого населения Горного Алтая за 1763–1889 гг. Во 2-й половине XVIII в. с каждого податного лица («ревизской души») взимался ясачный сбор пушминой – шкурками соболя (киш/алба), белки (тийин), черной и красной лисицы, куницы и колонка (см. табл. 1–2). В XIX столетии, в связи с заметным уменьшением пушного зверя в тайге и развитием товарно-денежных отношений, в ясачном сборе постепенно стала доминировать денежная форма, за счет уменьшения доли пушмины (см. табл. 3). После реформы 1822 г. коренное население Горного Алтая стало облагаться, помимо ясачной подати, государственной, губернской и волостными повинностями. К 90-м гг. XIX в. разница между размером ясачного сбора и суммой других повинностей заметно уменьшилась (см. табл. 4–5). В 1896 г., например, общая сумма окладных повинностей населения семи алтайских дючин достигла 10430 руб. По разрядам платежей она распределялась на ясак – 8531 руб., подушную подать – 715, губернский земский сбор – 382 и волостные сборы – 802 руб. В трех черневых волостях (Комляжской, Кузенской и Южской) сумма окладных сборов в 1897 г. равнялась 1202 руб., в т.ч. ясак – 682, подушная подать – 154, губернский сбор – 141 и волостные сборы – 225 руб. [13, с. 243].

Окладные листы составлялись Бийской окружной казенной палатой на каждую волость и дючину. Разверстка в семи алтайских дючинах производилась на съездах зайсанов, демичей, шуленгов, почетных лиц и выборных от всех дючин, причем каждая дючина самостоятельно производила разверстку окладных сборов. К концу XIX в. первая алтайская

дючина обособилась и на общий съезд не присылала своих представителей, а разверстку калана (окладных сборов) производила в с. Александровском – центре родового управления дючины. Черневые и чуйские волости также отдельно производили разверстку. Предварительная раскладка производилась должностными лицами и почетными стариками, имевшими значительное влияние среди своих соплеменников. Подобная разверстка делалась во время летних сходов, проводимых по разным поводам: приезда окружного, родового начальства, совершения общественных молений и жертвоприношений и т.д. Тогда же определялась сумма затрат на содержание родового (волостного) управления, которая не входила в окладной лист. Затем определялся срок проведения общего съезда для разверстки. На общем съезде участвовали должностные лица родового управления, почетные старики и большинство мужчин – плательщиков податей. Съезду представлялся проект разверстки, который проверялся и утверждался съездом или, напротив, в него вносили изменения и поправки. Во время съезда к окладным сборам (повинностям) присоединялись другие сборы. Для примера обратимся к приговору 7-й алтайской дючины от 9 июля 1897 г., где, помимо ясака (576 руб.), были определены сборы на общественные нужды в сумме 1143 руб. Из них на жалование родовому старосте (зайсану) – 50 руб., его помощникам (демичи) – по 40, сотнику (шуленги) – 20, письмоводителю – 117, толмачу – 25, казначею – 5, рассыльному (при алтайском заседателе) – 30, оспопрививателю – 40. Кроме того, предусматривались расходы на разъезды родовичей (зайсана, демичи) и при проездах окружных чиновников – 100 руб., на запас общества для проведения сходов – 100 и на канцелярские расходы – 40 руб. [13, с. 244–245].

Разверстка и распределение повинностей (сборов) среди населения дючин и кочевых волостей производились в разное время и на основе разных принципов. В дючинах использовалась уравнительная раскладка, т.е. на каждое податное лицо, включенное в разверстку, приходилось одинаковое количество податей. В середине 1890-х гг. разница наблюдалась лишь между некрещеными и крещеными алтайцами, а именно на первых накидывалась, сверх окладной суммы (3 руб.), 3 шкурки белки на разверсточную душу. Это объяснялось тем, что крещеные несли дополнительные расходы на содержание сельских управлений и церквей. Такой порядок был введен, например, во 2-й и 5–7-й дючинах по приговору 14 июня 1895 г. В конце XIX в. разверстка калана в чуйских волостях имела свои особенности. Так, во 2-ой чуйской волости все податные лица, включенные в разверстку, распределялись по 11-ти разрядам. Причем на 1-й разряд приходился оклада 1 руб., на второй – 2, третий – 3, четвертый –

3,5 и, наконец, на 11-й разряд приходился 8 руб. При распределении по разрядам учитывалась общая состоятельность аилов (дворов), численность годных работников, больных и т.д. А в 1-ой чуйской волости податные лица были разделены на три разряда: оклад лиц первого разряда составлял 2 руб., второго – 6 и третьего разряда – 8 руб. Раскладка по разрядам практиковалась и в черневых волостях, но здесь с молодых людей в первый год подать взималась по 1 руб., на второй год – по 2,5 руб. А в 1-й алтайской дючине молодые мужчины первые два года уплачивали подать по 2 руб., тогда как все остальные – по 2,5 руб. Иногда к сумме окладных сборов причислялись неокладные сборы, и они развёрстывались вместе или отдельно. Для примера приведем данные на 1895/1896 гг. По 1-й дючине общая сумма сборов (повинностей) составляла 2139 руб., в том числе окладных – 761 руб.; по 3-й дючине – соответственно 1048 и 630 руб. и по 4-й дючине – 2029 и 1325 руб. [13, с. 246–247].

Калан взыскивался, как правило, один раз в год, обычно в ноябре, когда мужчины возвращались с промыслов. Тогда демичи и шуленги отправлялись на стойбища для взыскания калана. Собранные деньги съезд поручал зайсану или одному из демичи сдать в Бийское окружное казначейство, причем часть окладной суммы сдавалась пушниной, за исключением черневых волостей, где к концу XIX в. вся сумма сдавалась деньгами. Во второй половине XIX в. сумма подати, сдаваемой пушниной, стала уменьшаться по требованию окружного казначейства, из-за злоупотреблений зайсанов и демичей. Например, нередко случались подмены хорошей пушнины плохой, которая не принималась казначейством в счет ясака. Поэтому бракованная пушнина продавалась на местном рынке, и вырученные деньги вносились в счет ясака. А в итоге образовывалась недоимка, которая покрывалась дополнительными сборами с населения. Несмотря на требования казначейства, зайсаны и демичи старались уплатить часть подати пушниной. В ясаке пушниной они видели один из главных признаков своего «кочевого» состояния и в переходе к денежной подати усматривали признаки приравнивания их с русскими крестьянами. О динамике уменьшения количества подати, уплаченной пушниной в 1890–1896 гг. по трем дючинам [13, с. 248, 251] можно судить из ниже приведенной таблицы:

дючины	ясак	1890/91 гг.	1896 г.
5-я	белка соболь	1000 шт. 10 шт.	700 шт. / на 89 руб. -
6-я	белка соболь	500 5	300 шт. / 42 руб. -
7-я	белка соболь	1000 10	400 шт. / 56 руб. -

К окладным платежам, разверстываемым на съездах, обычно присоединялись и расходы, сделанные в течение года на разные общественные нужды: продовольствие участников сходов, так называемые «темные» расходы и др. При составлении предварительной раскладки, все эти расходы подсчитывались и присоединялись к разверстываемой сумме. Обычно, ежегодно собиралось несколько сотен рублей больше нормы. Эти деньги шли на покрытие непредвиденных расходов, а часть этой суммы вносилась в разверстку предстоящего года. Так, 3-я дючина в 1895 г. исчислила все расходы в 1048 руб., а собрано было 1106 руб. Остаток суммы решено «выписать на затраты зайсана для поездки в г. Бийск по сдаче ясака, а остальные деньги должны храниться у зайсана». В первой дючине, где делопроизводство было в лучшем состоянии, остаток от непредвиденных расходов засчитывался в общую сумму сборов следующего года. Так, в 1896 г. у казначея на руках оставались от предыдущего года 684 руб., которые были засчитаны в сумму годовых сборов. А недостающая сумма разверстана по 2,5 руб. на годную душу, причем оказалось, что собрано на 417 руб. больше требуемого. «Этот остаток, – написано в приговоре, – по принятому у нас обычаю, должен храниться за казначеем на разные непредвиденные расходы» [13, с. 247, 249].

В составе неокладных платежей преобладали ямские повинности. Об их размерах дают представление нижеследующие цифровые данные:

Дючины, волости	Количество станций	Пар лошадей	Сумма, руб.
5 – 7 дючины	5	40	3380
1-я чуйская	3	9	720
2-я чуйская	6	22	1370

Ямские станции имелись в местностях Песчаное, Кеньга, Онгудай (село), Куркечу (переправа через Катунь), устье Чуи (территория населения 5 – 7-й дючин), Идролы, Айгулак, Чибит (1-я чуйская волость), Курай, Куектанар, Кош-Агач, Караузюк, Балыктуюль и Катуюрык (2-я чуйская волость) [13, с. 250]. В стойбищах ямские суммы развёрстывались между хозяевами, живущими около конкретной станции, независимо от того, к какой дючине принадлежал данный двор (аил). Деньги на ямские повинности взыскивались по частям, начиная с апреля. В отличие от калана, сдаваемого разом в казначейство, ямщикам приходилось платить значительные средства несколько раз в году. Ямские повинности складывались из затрат населения на содержание ямских станций и лошадей при них. Под проезд лошади требовались в летние месяцы, а зимой, из-за трудности горных дорог, разъезды по Горному Алтаю были весьма незна-

чительными. К концу XIX в., с усилением движения на Алтае, сумма этой повинности заметно возросла. В среднем на категорию алтайцев-кочевников, приходилось сельских сборов около 2 руб. на податную душу, а на категорию оседлых алтайцев – значительно больше. Эта разница не могла быть компенсирована «накидкой» на податную душу 3 белок, так как цена белок составляла 45–66 копеек на душу. Кроме сельских сборов, все остальные развёрстывались всем населением дючины. Русское население, жившее совместно с алтайцами в селениях, сельские сборы развёрстывало вместе с ними, а остальные денежные платежи – отдельно. Разверстка сельских сборов всегда производилась поровну между плательщиками, без учета их состояния [13, с. 254].

Среди натуральных повинностей нужно отметить и дорожную повинность. Все имеющиеся дороги в Горном Алтае, включая Чуйский и Уймонский тракты, были проложены трудом местного населения. Силами местного населения эти дороги поддерживались, а также исправлялись некоторые верховые (вьючные) горные дороги с устройством мостов, очисткой от камней и т.п. О дорожной повинности (поденщине) всего населения горного края на середину 90-х гг. XIX в. можно судить по следующим цифрам. На 7238 платежных душ приходилось 16563 поденщины по исправлению дорог, или 2,3 поденщины на платежную душу. По отдельным группам населения разница размеров поденщины была незначительная: от 2,3 среди алтайцев до 2,1 среди русских крестьян. Сопоставляя данные о дорожной повинности жителей селений и урочищ (стойбищ), обнаружим, что для первых она была значительно тяжелее, чем для вторых. О средних размерах поденщины, затраченной населением на дорожную повинность, можно судить по ниже приводимым данным (на 1895/1896 гг.):

Группы населения	В селениях	В урочищах
Алтайцы	3,0	2,1
Крестьяне-старожилы	2,3	1,4
Крестьяне-новоселы	2,4	1,0

Эти цифры показывает, что дорожная повинность жителей селений была выше, чем жителей урочищ. Потому, что селения обычно располагались на колесных путях, да и вьючные дороги в селениях содержались лучше. Между отдельными районами, кроме чуйского (находился в особых условиях), значительной разницы в тяжести дорожной повинности не наблюдалось. В 1896 г. размер поденщин (в расчете на 1 податную единицу) колебался от 2,1 руб. в западном районе до 2,7 в черневом рай-

оне [13, с. 255–256]. В неокладные повинности населения Горного Алтая входило также тушение лесных пожаров, которое специально не учитывалось.

До принятия российского подданства чуйские теленгиты платили в китайскую казну натуральные подати. Так, в середине XIX в. их зайсаны отвозили в конце зимы (в феврале), подати в приграничный г. Кобдо. Размер подати составлял 2 соболя или 60 белок с каждого мужчины. А в качестве подарка они получали от китайского правительства 12 слитков серебра (ямба) и 12 аршин шелка (канфа) для родоначальников и по 90 кусков хлопчатобумажной ткани (даба) для жителей каждой волости [7, с. 128]. Двойственное политическое положение чуйских теленгитов обязывало их сдавать калан (ясак) и в Бийское окружное казначейство. До 1798 г. чуйские волости сдавали по 40 соболей на сумму 100 рублей, а с 1798 г. – по 80 соболей на 200 руб. (см. табл. 1–2). Но в отдельных случаях они сдавали в счет ясака шкуры диких копытных животных. Например, в 1869 г. от них в окружное казначейство поступили 145 маралых, 4 лосиных и 9 оленьих шкур, которые были проданы на Ирбитской ярмарке за 375 руб. [ГАТО. Ф. 196. Оп. 36. Д. 30. Л. 1]. Примерно с 1858/1859 гг. калан с них стал исчисляться по 1 рублю с податного мужчины (18–50 лет), кроме того, на каждую семью (аил) развертывались подати в три рубля [7, с. 127–128]. В алтайских дючинах богачи (баи) и маломощные скотоводы, несмотря на большую разницу между их доходами, облагались одинаковой подушной податью. Подобная система повинностей ложилась тяжелым бременем на маломощные и бедные слои алтайского общества, способствуя их дальнейшему закабалению байством и кулачеством.

В заключение следует сказать, что если в первой половине XIX столетия местное управление, судопроизводство и фискально-податные порядки в Горном Алтае вписывались в реалии жизни российского государства, то во второй половине столетия они уже практически исчерпали себя, стали анахронизмом и не соответствовали требованиям пореформенного российского общества, вступившего на пути капиталистического развития.

Таблица 1. Сбор ясака до и после 1763 г.

Волости, дючины	Душ мужск. пола		Ясак (соболя)		Ясак (сумма в руб.)		Подароч. соболя	
	до	после	до	после	до	после	до	после
Кергешская	144	151	115	118	129	132	-	-
Южская	48	51	31	45	35	50	-	-

Комляжская	208	222	145	185	162	207	-	-
Кузенская	67	69	55	64	61	72	-	-
К-Шелкальская	104	111	126	126	141	141	-	-
К-Кумандинская	357	367	248	267	278	299	-	-
1-я дючина	-	86	-	39	-	44	-	5
2-я дючина	-	58	-	34	-	39	-	10
3-я дючина	-	62	-	28	-	31	-	5
4-я дючина	417	113	174	51	195	57	-	10
5-я дючина	-	156	-	72	-	80	-	10
Тау-телеутские:								
зайсана Менкечека	-	-	-	40	-	100	-	-
зайсана Чебека	-	-	-	40	-	100	-	-

Источник: РГИА. Ф. 468. Оп. 9. Д. 1042. Л. 173–175.

Таблица 2. Сбор ясака за 1798–1804 гг.

Волости, дючины	Душ муж. пола	Ясак (соболь)	Ясак (сумма в руб.)	Подарочн. соболи
Кергешская	172	118	137	-
Южская	105	45	60	-
Комляжская	285	185	222	-
Кузенская	122	64	78	-
В-Кумандинская	137	72	85	-
Н-Кумандинская	448	195	258	-
1-я дючина	185	49	54	5
2-я дючина	203	66	70	5
3-я дючина	131	33	50	5
4-я дючина	268	83	93	10
5-я дючина	371	106	119	10
Тау-телеутские:				
зайсана Менкечека	С.н.	80	200	-
зайсана Чебека	С.н.	80	200	-

Источники: ЦХАФАК. Ф.169. Оп. 1. Д. 48. Л. 64об; РГИА. Ф. 468. Оп. 9. Д. 1042. Л. 183–184.

Таблица 3. Сбор ясака за 1832 и 1859 гг.

Южская	1832	183 /73	5 лис, 300 бел. / 54	8	62
	1859	251 /118	То же	97	151
Комляжская	1832	573 /228	10 лис, 1000 бел. / 143	52	195
	1859	756 /349	То же	305	448
Кузенская	1832	182 /73	5 лис, 300 бел. / 54	8	62
	1859	275 /118	То же	97	151
Кондомо- Шелкальская	1832	190 /84	20 соб., 100 колон. / 83	37	120
	1859	300 /113	То же	64	147
Верхне- Кумандинская	1832	167 /70	5 лис, 300 бел. / 54	6	60
	1859	322 /120	То же	100	154
Нижне- Кумандинская	1832	549 /219	10 лис, 1000 бел. / 143	45	188
	1859	832 /309	То же	254	397
1-я дючина	1832	663 /266	10 соб., 1000 бел. / 131	249	380
	1859	908 /380	То же	411	542
2-я дючина	1832	458 /183	10 соб., 1000 бел. / 131	130	261
	1859	788 /347	То же	364	495
3-я дючина	1832	412 /165	6 соб., 1000 бел. / 113	122	235
	1859	677 /297	То же	311	424
4-я дючина	1832	1069 /428	10 соб., 1000 бел. / 131	480	611
	1859	1532 /645	То же	789	920
5-я дючина	1832	819 /328	10 соб., 1000 бел. / 131	337	468
	1859	1167 /500	То же	582	713
6-я дючина	1832	242 /98	5 соб., 500 бел. / 66	74	140
	1859	371 /154	То же	154	220
7-я дючина	1832	437 /175	10 соб., 1000 бел. / 131	119	250
	1859	593 /275	То же	261	392

Примечание: пушнина: соболь, белка, лисица, колонок.

Источник: ГАТО. Ф.196. Оп. 36. Д. 24. Л. 10–16.

Таблица 4. Данные о податном населении и повинностях, 1858 и 1860 гг.
(повинности: государственная, губернская, волостные)

Волости, дючины	Год	Податных душ	Ясак	Госуд	Губерн	Волостн.	Итого (руб.)	На 1 ревиз. душу
Кергешская	1858	173	148	76	33	24	281	1.6
	1860	189	243	90	28	62	423	2.2
Южская	1858	115	98	51	22	16	187	1.6
	1860	118	151	57	17	39	264	2.2
Комляжская	1858	338	290	149	64	47	550	1.6
	1860	349	448	168	51	114	781	2.2

Верхне-Кумандинская	1858	103	88	46	19	14	167	1.6
	1860	120	154	58	18	39	269	2.2
Нижне-Кумандинская	1858	305	261	135	58	42	496	1.6
	1860	С.н.	С.н.	-	-	-	-	С.н.
1-я дючина	1858	371	530	164	70	51	815	2.2
	1860	380	542	182	57	124	905	2.4
2-я дючина	1858	314	448	139	60	43	690	2.2
	1860	347	495	166	52	113	826	2.4
3-я дючина	1858	268	382	119	51	37	589	2.2
	1860	297	424	142	44	97	707	2.4
4-я дючина	1858	642	917	284	122	88	1411	2.2
	1860	645	920	309	96	211	1536	2.4
5-я дючина	1858	483	689	214	92	66	1061	2.2
	1860	500	713	241	73	163	1191	2.4
6-я дючина	1858	150	214	66	29	20	329	2.2
	1860	154	220	74	22	50	366	2.4
7-я дючина	1858	248	354	110	47	34	545	2.2
	1860	275	392	133	40	90	655	2.4

Источник: ГАТО. Ф.3. Оп. 18. Д. 282. Л. 4-7; Ф. 196. Оп. 36. Д. 24. Л. 25-27.

Таблица 5. Сведения о податном населении, ясаке и повинностях за 1889 г.

Волости, дючины	Ревиз. душ	Платежн. душ	Ясак	Все повинности	Церковн. расходы	На 1 ревиз. душу
Кергешская	387	184	386	507	80	2,5
Южская	251	136	214	232	151	2,4
1-я дючина	696	343	834	1152	150	3,0
2-я дючина	329	296	823	532	14	4,1
3-я дючина	329	110	403	279	-	2,1
4-я дючина	637	217	842	584	-	2,2
5-я дючина	608	445	1079	1730	15	4,6
6-я дючина	223	151	423	595	15	4,6
7-я дючина	358	256	689	987	15	4,7
1 чуйская	270	175	57	100	22	0,7
Уймонская	342	255	1175	608	587	6,9

Примечание: Сведения по остальным волостям (2-й чуйской, Комляжской, Кузенской, Кондомо-Шелкальской и двум Кумандинским) отсутствуют.

Источник: ГАТО. Ф.234. Оп. 1. Д. 89. Л. 839-838, 852-856, 870-872, 926-928, 940-944.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

РГИА	– Российский государственный исторический архив. Ф. 468.
ГАТО	– Государственный архив Томской области. Ф. 3; 196; 234.
ЦХАФАК	– Центр хранения архивных фондов Алтайского края. Ф. 169.

1. Бунге А. Путешествие по восточной части Алтайских гор (Дневник путешествия по восточной части Алтайских гор летом 1826 года); 2-е изд. // Слово об Алтае / Сост. Б.Я. Бедюров. – Горно-Алтайск, 2004. – Кн. 3. – Ч. 1. – С. 241–269.
2. Горохов А.М. Краткое этнографическое описание бийских, или алтайских калмыков // Журнал МВД. – СПб., 1840. – Ч. 38, II. – С. 201–228.
3. Екеев Н.В. Горный Алтай во второй половине XVIII – начале XX столетий: этнические и этнокультурные процессы // Алтай – Россия: через века в будущее. Матер. Всерос. научно-практ. конф., посвящ. 250-летию вхождения алтайского народа в состав Российского государства. – Горно-Алтайск, 2006. – Т. 2. – С. 99–103.
4. Луценко Е.И. Поездка к алтайским теленгетам // Землеведение, 1898. – Кн. I–II. – С. 1–37.
5. Модоров Н.С. Россия и Горный Алтай: политические, социально-экономические и культурные отношения (XVII–XIX вв.). – Горно-Алтайск, 1996.
6. Потапов Л.П. Очерки по истории алтайцев. – М.; Л., 1953.
7. Радлов В.В. Из Сибири. Страницы дневника / Пер. К.Д. Цивиной и Б.Е. Чистовой; коммент., послесл. и ред. С.И. Вайнштейна. – М.: Наука, 1989.
8. Самаев Г.П. Горный Алтай в XVII – середине XIX в.: Проблемы политической истории и присоединения к России. – Горно-Алтайск, 1991.
9. Сергеев А.Д. Г.И.Спасский и А.М.Горохов – этнографы алтайцев // Известия Алтайского отдела Географического общества СССР. – Барнаул, 1969. – Вып. 9. – С. 117.
10. Спасский Г. Путешествие к алтайским калмыкам; 2-е изд. // Слово об Алтае / Сост. Б.Я. Бедюров. – Горно-Алтайск, 2004. – Кн.3. – Ч. 1. – С. 7–24.
11. Токарев С.А. Докапиталистические пережитки в Ойротии. – М., 1936.
12. Чихачев П. Путешествие в Восточный Алтай / Пер. В.В. Цыбульского. – М.: Наука, 1974.
13. Швецов С.П. Горный Алтай и его население. – Барнаул, 1900. – Т. 1. – Вып. 1.
14. Ядринцев Н.М. Об алтайцах и черневых татарах // Известия ИРГО, 1881. – Т. 17. – Вып. 4. – С. 228–254.
15. Ядринцев Н.М. Сибирские инородцы, их быт и современное положение. – СПб., 1891.

ИМУЩЕСТВЕННОЕ И СОЦИАЛЬНОЕ РАССЛОЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ ГОРНОГО АЛТАЯ В XIX В.*

В истории Горного Алтая XIX столетия значительный интерес представляют вопросы изменения социальной структуры и социально-экономических отношений алтайцев и местного русского крестьянства. На эти вопросы обращалось внимание в работах дореволюционных [1–10], советских и современных исследователей [11–17]. В предлагаемой статье автор попытался на основе опубликованных работ авторов дореволюционного периода, а также привлечения архивного материала проследить социально-имущественное расслоение алтайского и русского крестьянского населения Горного Алтая в XIX столетии.

Алтайцы – коренные жители Горного Алтая во второй половине XVIII – начале XIX вв. относились к сословию «ясачного» населения, а после реформы 1822 г. – к сословию «инородческого» населения Сибири. Местное русское население до реформы 1861 г. преимущественно относилось к приписному крестьянству, а затем – к крестьянам-общинникам.

Как известно, алтайцы, после принятия российского подданства в 1756–1757 гг., сохранили права на внутреннее общественное управление согласно нормам своего обычного права [18]. В XIX в. среди них сохранялась знатная верхушка (зайсаны, демичи), происходившая из старинных княжеских кланов. В середине столетия из семи алтайских зайсанов четверо были потомственными, т.е. происходили от зайсанов джунгарского времени [19]. Вплоть до реализации реформы М.М. Сперанского алтайские зайсаны по должности были приравнены к чину майора и потомственному дворянству [20; 21]. Они, как и другие должностные лица родового управления, освобождались от всех сборов. Согласно «Уставу об управлении инородцев» 1822 г. на знатную верхушку общества, занимавшую выборные должности родового управления (зайсанов, демичи, шуленги), возлагались обязанности по решению административно-судебных и хозяйственных вопросов в дючинах и волостях [22–24].

Важнейшие вопросы общественной (гражданской) жизни алтайцев обсуждались на съездах – *сугланах*. По представительности и важности обсуждаемых вопросов съезды могли быть общими, народными (присутствовали родоначальники всех дючин) и локальными (участвовали родоначальники заинтересованных дючин). На таких съездах зайсаны и демичи совещались по разным общественным нуждам, разбирали тяжбы подчиненных, примиряли участников тяжбы. Виновный обязан был

* См. Исторический вестник: сборник научных трудов / Ред. Т.С. Пустогачева, Т.В. Анкудинова. – Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2011. – № 5. – С. 15–22.

тут же оплатить убытки и сверх того мог понести телесное наказание. Дела, касающиеся всего алтайского народа, например, об упорядочении орехового или охотничьего промысла, о раскладке различных сборов и повинностей, решались народным съездом, на котором присутствовали зайсаны, демичи и влиятельные домохозяева всех дючин; иногда съезжалось до 200 человек [25; 26].

Однако с 1880 г. (после принятия 21 ноября 1879 г. положения «О преобразовании общественного управления государственных крестьян Западной Сибири») должности зайсана и демичи стали выборными на срок – соответственно три и один год. В официальных документах зайсаны назывались родовыми старостами, а демичи – помощниками родовых старост. Согласно новым правилам томская губернская и бийская окружная администрации могли не только утверждать, но и досрочно устранять вновь избранных лиц (зайсана, демичи) от их должности. Но в реальной жизни установился известный компромисс между старым и новым порядками. Так, действующего зайсана по истечении трех лет вновь выбирали, и так продолжалось до его смерти или до тех пор, пока он сам не отказывался от должности. Подобным же образом поступали при выборах демичи. Поэтому, вплоть до конца XIX столетия во главе большинства алтайских дючин и кочевых волостей стояли потомственные зайсаны и демичи [27].

Во второй половине XIX столетия в составе крупных скотоводов, по преимуществу относившихся к знатной верхушке алтайцев, появляются богачи – баи нового предпринимательского типа, которые стали заниматься товарным скотоводческим хозяйством. Этот тип хозяйства был распространен в селениях, расположенных около Чуйского, Уймонского и других трактов. Предприимчивые баи разводили лошадей, быков и овец на продажу, применяли труд пастухов и других наемных работников. Ниже приводим данные на 1889 г. [28] о количестве скота в крупных хозяйствах:

Владелец	Долина, урочище	Лошадей	КРС	МРС
Т. Илбыдин	Б. Черга	2000	600	300
Б. Тюкуев	Ябоган	2000	130	70
Б. Туушин	Кеньга	1500	200	150
С. Чунюш	Баргыста	1300	250	300
И. Киймашев	Ябоган	1000	100	1000
М. и А. Кульджиновы	Каерлык	600	350	500
П. Маскачаков	Карагол	700	150	150
А. Сыргак	Иня	100	30	2000

Примечание: КРС – крупный рогатый скот, МРС – мелкий рогатый скот (овцы, козы).

В противоположность баям нового типа образуется социальная группа сельских батраков (*жалчы*), пополнявшихся из среды разорившихся бедняков (*жокту*). Батрачество было представлено в основном пастухами (*малчы, койчы*), домашней прислугой. Часть обнищавших бедняков пополняла ряды пауперов (*тербезен, баскын*), т.е. обездоленных бесправных членов общества. К данному слою бедноты относились также *кулы* – нищие, находившиеся в личной зависимости от богачей (*баев*) и выполнявшие тяжелую работу лишь за скудное питание, поношенную одежду и угол для жилья [29]. По этому поводу Н.М. Ядринцев писал: «Рядом с разорением калмыков [алтайцев], среди них появился пролетариат, лишившийся скота, похожий на киргизских джатаков. Наконец, в последнее время развелось в Алтае конокрадство, как результат, с одной стороны, нищеты и бездомности, а с другой – по наущению русских спекулянтов, приобретать чужой скот, не заботясь о его принадлежности» [30]. В трудах исследователей второй половины XIX в. (В.В. Радлов, Н.М. Ядринцев, Е.И. Луценко, М. Соболев, С.П. Швецов) неоднократно отмечалось об усилении обнищания значительной части алтайского населения и связывалось это явление, прежде всего, с проникновением в среду скотоводческих хозяйств торгово-ростовщического капитала. Во второй половине XIX в. традиционное алтайское общество стало трансформироваться в сторону формирования элементов мелкотоварных, капиталистических отношений.

В алтайском обществе сохранялись значительные группы бедняцких и середняцких хозяйств. Бедняцкие хозяйства имели 1–2 рабочие лошади, до 6 голов крупного (1–3 коровы) и до 10 голов мелкого рогатого скота, а также до 0,5 дес. посева (среди земледельцев). Средняки (*талор-толу*) жили за счет собственного хозяйства и результатов труда членов своей семьи, хотя иногда, из-за нехватки рабочих рук, они прибегали к «помочам» (*болыш*) или использовали труд бедняков. К середняцким относились хозяйства, имевшие примерно 10–50 лошадей (3–15 рабочих), 6–20 крупного (4–10 коров) и до 100 мелкого рогатого скота, а также от 0,5 до 2,5 дес. посева (среди земледельцев). По имущественному положению середняки разделялись на маломощный и зажиточный слои. Маломощная часть середняков, как и беднота, вынуждена была обращаться, например, к временному пользованию лошадьми и коровами богачей. А зажиточные середняки втягивались в рыночные, мелкотоварные отношения, хотя основная их часть сохраняла натуральный строй хозяйства.

Для анализа имущественного положения алтайского и русского населения используем материалы обследования 1897 г., проведенного груп-

пой во главе со С.П. Швецовым, которые дают представление о масштабах расслоения населения Горного Алтая к концу XIX столетия. При изучении данного вопроса наиболее показательными критериями является группировка хозяйств по обеспеченности рабочими лошадьми и крупным рогатым скотом, так как в сельском хозяйстве (поголовье, структуре стада) и по объему реализуемой на рынке продукции доминировали мясомолочное скотоводство и коневодство. Среди алтайцев бедняцко-батрацкая группа составляла 45–50% всех их хозяйств, середняцкая – 41–48% и байская группа (имела свыше 15 рабочих лошадей и более 20 КРС) составляла 7–9% хозяйств (см. табл. 1, 2 и 3) [31]. По примерным подсчетам, в бедняцких хозяйствах находилось около 3% всех лошадей (в т.ч. 8% рабочих) и 12% КРС. Средняцкие хозяйства владели 21% всего поголовья лошадей (35% рабочих) и более 35% КРС. А в зажиточно-байских хозяйствах было сосредоточено уже большинство поголовья скота алтайского населения: 65% лошадей, 53% КРС и 56% овец и коз.

Таблица 1. Группировка алтайских и русских хозяйств по рабочим лошадям (РЛ)

Группы по рабочим лошадям	Алтайские хозяйства				Русские хозяйства			
	Хозяйств		Лошади	РЛ	Хозяйств		Лошади	РЛ
	Абс.	%	%	%	Абс.	%	%	%
Всего	5537	100	100	100	2100	100	100	100
Без РЛ	588	10.6	-	-	102	4.9	-	-
1–2	1913	34.5	2.7	8.6	653	31.1	4.6	11.0
3–10	2315	41.9	21.0	35.3	1139	54.2	45.3	58.0
10–15	321	5.8	10.7	11.4	139	6.6	50.1	31.0
15 и более	400	7.2	65.6	44.7	67	3.2		

Примечание: В табл. 1–3 данные об удельном весе скота по отдельным группам исчислены автором статьи.

Среди русских крестьян бедняцкие хозяйства (без лошади, коровы, с 1–2 рабочими лошадьми и 1–4 КРС) составляли 35–36%, середняцкие (3–10 раб. лошадей, 4–20 КРС) – 53–54% и зажиточно-кулацкие – 10–12% всех русских хозяйств. В бедняцких хозяйствах находилось около 5% всех лошадей (11% рабочих) и 6% КРС, а в середняцких – соответственно 45 (58) и 42%. Зажиточно-кулацкие хозяйства имели более половины всех лошадей, крупного и мелкого рогатого скота русской части населения Горного Алтая.

Таблица 2. Группировка хозяйств по крупному рогатому скоту
(КРС)

Группы по КРС	Алтайские хозяйства			Русские хозяйства		
	Хозяйств		КРС	Хозяйств		КРС
	Абс.	%	%	Абс.	%	%
Всего	5537	100	100	2100	100	100
Без КРС	452	8.2	-	152	7.2	-
1-4	1372	24.8	4.8	577	27.5	6.1
4 – 6 гол.	936	16.9	6.7	286	13.6	6.0
6–15	1984	35.8	27.9	697	33.2	26.8
15–20	301	5.5	7.3	132	6.3	9.0
20–50	395	7.1	18.0	214	10.2	32.5
50 и более	97	1.7	35.2	42	2.0	19.6

Таблица 3. Группировка хозяйств по мелкому рогатому скоту
(МРС)

Группы по МРС	Алтайские хозяйства			Русские хозяйства		
	Хозяйств		МРС	Хозяйств		МРС
	Абс.	%	%	Абс.	%	%
Всего	5537	100	100	2100	100	100
Без МРС	2691	48.6	-	1026	48.9	-
До 10 голов	427	7.7	0.2	497	23.7	12.5
10 – 30	963	17.4	11.1	409	19.5	37.5
30 – 100	965	17.4	32.6	146	6.9	33.7
100 и более	491	8.9	56.1	22	1.0	16.3

Приведенные данные следует дополнить показателями обеспеченности посевами различных групп населения Горного Алтая (см. табл. 4) [32]. У алтайцев свыше 51% хозяйств вообще не имели посева. Среди хозяйств, занимавшихся земледелием, большинство (59%) имело от 0,5 до 2,5 дес. посева, около трети (31%) – от 0,1 до 0,5 дес. и десятая часть имела свыше 2,5 дес. посева. У русского населения 40% хозяйств не имели посева, а среди остальных, занятых земледелием, 10% хозяйств имели меньше 1 дес. посева, 60% – от 1 до 5 дес. и 30% хозяйств имели более 5 дес. посева.

**Таблица 4. Группировка алтайских и русских хозяйств
по размерам посевов**

Группы	Всего хоз.	без посева	с посевом	менее 0.5 дес.	0.5 – 1.0	1.0 – 2.5	2.5 – 5.0	5.0 – 10.0	10 и более
Алтайские	5537	2829	2708	819	803	825	200	55	6
			100%	30.3	29.6	30.5		9.4	0.2
Русские	2100	840	1260	40	84	347	416	321	52
			100%	3.2	6.7	27.5	33.0	25.5	4.1

Вышеуказанные социальные группы алтайского общества являлись носителями докапиталистических (патриархальных), мелкотоварных и примитивно-капиталистических социально-экономических отношений. В докапиталистические формы отношений входили раздача рабочего и продуктивного скота во временное пользование (содержание), помочи, отработки и их всевозможные сочетания. Раздача байского скота во временное пользование являлась пережиточной формой патриархально-родовой взаимопомощи. Так, согласно обычному праву, бедняк, лишившийся скота в результате стихийного бедствия или другого сложного обстоятельства, обращался за помощью к богатому сородичу, а последний оказывал поддержку в виде отдачи определенного количества скота безвозмездно или на временное пользование. Во втором случае, например, дойную корову давали для потребления ее молока («саап ичер»), а рабочую лошадь – для езды или использования в качестве тягловой силы («аттын тери, кучи»). За это бедняки обязывались пасти скот, или отработать в сенокосно-уборочную страду, или прислуживать в домашнем хозяйстве богатого сородича. Под воздействием набравшего силу капиталистического рынка патриархальные отношения постепенно трансформировались в отношения найма – сдачи в наём средств производства (скота) и наемного труда. Так, например, в 80-х гг. XIX в. богатые алтайцы за пользование лошадью для езды брали плату от 4 до 6 руб. в год [33]. В напряженную посевную, сенокосную, уборочную пору и при изготовлении продуктов скотоводства (кошмы и др.) широко практиковались помочи и супряги. Бедняцко-середняцкие помочи и супряги были формами родственной и соседской взаимопомощи. В среде русских крестьян помочи и супряги были также широко распространены.

К найму пастухов обращались богатые алтайцы, имевшие большие табуны лошадей и стада рогатого скота. Условия найма были различными: на год, полгода, ежемесячно. Например, у братьев Манди и Аргымая Кульджиновых, живших в долине Каерлыка, пастухи-табунщики были го-

довы, получали по 4 рубля в месяц, а пастухов крупного рогатого скота нанимали на полугодие (на лето и зиму), платили по 30 коп. с головы скота. Пастухи обычно получали еще по 20 пуд. ячменя и двух лошадей для езды. Кроме того, за пастьбу стада бычков (1–1,5 годовалых) для продажи пастуху платили по 1 руб. с головы, но пастух обязан был заготовить достаточное количество сена для подкормки бычков в период зимней бескормицы. У Кульджиновых было 3 табунщика для всех лошадей и 9 пастухов для пастьбы стад быков (в каждом стаде до 100 голов). Пастухи за свой труд брали плату не деньгами, а скотом, который пасся вместе с хозяйским стадом [34].

В русских селах пастухов нанимали чаще всем обществом, например, в Черном Ануе, Мариинске и Ильинском общественные пастухи на своих харчах получали от 15 до 30 коп. с головы крупного и мелкого рогатого скота. Обычно пастухи пасли овец с конца марта до начала ноября (от Пасхи до Михайлова дня). Богатые русские крестьяне имели индивидуальных пастухов, например, житель Чемала Старыгин платил за летнюю пастьбу лошадей и быков 15 руб. деньгами и 10 пуд. ячменя, при этом пастух пользовался молоком от 3 коров и ездил на лошади хозяина [35].

По данным обследования 1897 г. в Горном Алтае было учтено примерно 144 профессиональных пастуха (почти исключительно алтайцев), нанимавшихся к богатым алтайцам и русским крестьянам. Кроме таких пастухов существовала категория наемных рабочих, трудившихся на условиях срочной, поденной и сдельной оплаты. У них «в ряду различных отраслей их труда» известную долю составляла пастьба скота. Свою рабочую силу отдавали наемному труду 12% алтайских и 24% русских хозяйств, а нанимали рабочих (срочных, поденных) соответственно 12 и 19% хозяйств [36].

В целом, анализ материалов показывает, что в XIX столетии в алтайском обществе происходило имущественное и социальное расслоение. Под влиянием торгово-рыночных отношений, как результата развития российского капитализма вширь, происходила трансформация натуральных хозяйств в полунатуральные, мелкотоварные хозяйства, складывались новые социальные слои: байство предпринимательского типа и сельское батрачество. Среди части байских хозяйств, ориентированных на товарное скотоводство, стал использоваться труд батраков, главным образом постоянных и сезонных пастухов. Местные русские крестьяне были неразрывной частью сибирского крестьянства и во второй половине XIX в. его социальная структура изменялась в едином русле развития аграрного капитализма в Сибири.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Бунге А. Путешествие по восточной части алтайских гор; 2-е изд. // Слово об Алтае. Кн. III. Ч. I. Землеведение. Флора и фауна. Этнография. Религия. История / Сост. Б.Я. Бедюров. – Горно-Алтайск: Юч-Сюмер – Белуха, 2004. – С. 241–354.
2. Горохов А.М. Краткое этнографическое описание бийских, или алтайских калмыков // Журнал МВД. – СПб., 1840. – Ч. 38, II. – С. 201–228.
3. Радлов В. Из Сибири. Страницы дневника / пер. К.Д. Цивиной и Б.Е. Чистовой; коммент., послесл., ред. С.И. Вайнштейна. – М.: Наука, 1989.
4. Спасский Г. Путешествие к алтайским калмыкам; 2-е изд. // Слово об Алтае / Сост. Б.Я. Бедюров. – Горно-Алтайск: Юч-Сюмер – Белуха, 2004. – Кн. 3. – Ч. 1. – С. 7–24.
5. Чихачев П. Путешествие в Восточный Алтай / Пер. В.В. Цыбульского. – М.: Наука, 1974.
6. Швецов С.П. Горный Алтай и его население. Т. 1. Вып. 1. Кочевники Бийского уезда / Сост. С.П. Швецов. – Барнаул, 1900. – 360 с.
7. Юхнев П.М. Горный Алтай и его население. Т. 1. Вып. 2. Неземледельческие занятия / Сост. П.М. Юхнев. – Барнаул, 1903. – 173 с.
8. Ядринцев Н.М. Алтай и его инородческое царство // Исторический вестник. – СПб., 1885. – Т. 20. – С. 607–644.
9. Ядринцев Н.М. Сибирские инородцы, их быт и современное положение. – СПб., 1891. – 308 с.
10. Луценко Е.И. Поездка к алтайским теленгетам // Землеведение, 1898. – Кн. 1-2. – С. 1–37.
11. Токарев С.А. Докапиталистические пережитки в Ойротии. – Л., 1936. – 154 с.
12. Потапов Л.П. Очерки по истории алтайцев; 2-е изд. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. – 442 с.
13. Самаев Г.П. Горный Алтай в XVII – середине XIX в.: Проблемы политической истории и присоединения к России. – Горно-Алтайск, 1991. – 256 с.
14. Сатлаев Ф.А. Горный Алтай в период феодализма в России (XVII–XIX вв.). – Горно-Алтайск: Юч-Сюмер – Белуха, 1995. – 191 с.
15. Модоров Н.С. Россия и Горный Алтай: Политические, социально-экономические и культурные отношения (XVII–XIX вв.). – Горно-Алтайск: РИО ГАГУ «Универ-Принт», 1996. – 400 с.
16. Шерстова Л.И. Тюрки и русские в Южной Сибири: этнополитические процессы и этнокультурная динамика XVII – начала XX века. – Новосибирск, 2005.
17. Коренные этносы Горного Алтая (конец XIX – начало XXI вв.) / Н.В. Екеев, Н.М. Екеева, С.П. Суразакова. – Горно-Алтайск: Горно-Алт. типография, 2006. – 152 с.
18. Спасский Г. Указ. соч. С. 24.
19. Радлов В.В. Указ. соч. С. 126.
20. Бунге А. Указ. соч. С. 256.
21. Ядринцев Н.М. Алтай и его инородческое царство, с. 626
22. Гагемейстер Ю. Статистическое обозрение Сибири. – СПб., 1854. – Ч. III. – С. 55–57.
23. Горохов А.М. Указ. соч. С. 205, 218.
24. Швецов С.П. Указ. соч. С. 232, 236.

25. Горохов А.М. Указ. соч. С. 212.
26. Швецов С.П. Указ. соч. С. 234, 241–242.
27. Швецов С.П. Указ. соч. С. 235, 237–238.
28. ГАТО. Ф. 234. Оп. 1. Д. 89. Л. 839–944.
29. Радлов. Указ. соч. С. 154.
30. Ядринцев Н.М. Сибирские инородцы, с. 106.
31. Швецов С.П. Горный Алтай и его население. Т. 2. Экономические таблицы / Сост. С.П. Швецов, П.М. Юхнев. – Барнаул, 1901. – С. 308.
32. Там же. С. 309.
33. ГАТО. Ф. 234. Оп. 1. Д. 89. Л. 854–855, 926, 941.
34. Швецов С.П. Указ. соч. С. 348–349.
35. Там же. С. 377–378.
36. Юхнев П.М. Указ. соч. С. 153–154.

РАЗВИТИЕ СКОТОВОДСТВА В ГОРНОМ АЛТАЕ (XIX В.)*

В исследовании проблем социально-экономического развития Горного Алтая в XIX столетии большое значение имеет разработка вопросов развития скотоводства – основной отрасли сельского хозяйства региона. Отдельные аспекты развития скотоводства в той или иной степени освещались в ряде работ дореволюционных [1], советских и современных исследователей [2]. В настоящей статье предпринимается, во-первых, характеристика содержания скота, заготовки кормов (сена), продуктов скотоводства, во-вторых, анализ изменений в поголовье, структуре стада скота и в третьих, расслоение скотоводческих хозяйств Горного Алтая под воздействием товарно-рыночных отношений во второй половине XIX в. Сложность состоит в том, что вплоть до конца XIX в. официальный статистический учет поголовья скота и других элементов хозяйства, за исключением отдельных случаев, не проводился. Поэтому основными источниками послужили записки путешественников, материалы работ авторов XIX – начала XX вв. и отчасти архивные документы.

После перехода к мирной жизни во второй половине XVIII в. началось восстановление главной отрасли традиционного хозяйства алтайцев – полукочевого скотоводства, приспособленного к горностепному ландшафту. Основными видами скота у них были лошади, крупный и мелкий рогатый скот. В начале XIX в. восстановление стада в алтайском хозяйстве шло, помимо внутренних ресурсов, путем приобретения (обмена

* См. Исторический вестник: сб. науч. тр. / Ред. Т.С. Пустогачева, Т.В. Анкудинова. – Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2010. – Вып. 4. – С. 15–22.

и покупки) у чуйских теленгитов лошадей, коров, овец, а также у русских крестьян и казаков соседних предгорных селений и станиц коров и телят [3].

Обратимся к системе содержания скота. В самое трудное зимнее время полукочевое алтайское население, живущее по стойбищам, основное поголовье скота содержало на подножном корму. Коровам и овцам давали сено только в случае их истощения, когда после ранней оттепели снег покрывался обледенелой корой (настом), или же когда выпадал глубокий снег, затруднявший ослабевшему скоту доставать траву из-под снега. К концу XIX в. полукочевые скотоводы стали заготавливать более или менее значительные запасы сена. Оседлое алтайское и русское население, живущее в селах и на заимках, зимой на сухом корму держало дойных коров, рабочих лошадей и овец. А быков, выращиваемых для продажи, и нерабочих лошадей (жеребцы, кобылы, жеребята, мерины) круглый год пасли под присмотром пастухов [4].

Для характеристики содержания скота обратимся к путевым записям путешественников и исследователей. Одно из ранних сведений приводится в статье А.М. Спасского, посетившего в 1806 г. Канскую степь. Вот что он писал: «От устья Кана простирается гладкая равнина, одетая мелкою, так называемою кипечною травою, составляющею лучший корм для скота. Хозяева владеют большими табунами лошадей и еще большими стадами рогатого скота, которые паслись близ самых юрт, и в которых состоит все богатство их. Скот даже зимою ходит на воле и сам себе достает корм, разгребая снег копытами. Только для мелкого или больного скота запасают сено, подрезывая траву ножом и развешивая её для просушки на деревьях» [5]. Через 20 лет эти же места посетил А. Бунге и сделал следующую запись: «...скот, потребляющий солончаковый глинистый слянец, чрезвычайно упитан и сам делает себе запас на черный день зимой. Запас этот содержится у овец в курдюках, достигающих к осени значительных размеров. То же, что с курдюками, происходит и с горбами у верблюдов...» [6]. Отметим, что по данным ясачной комиссии на 1832 г. в данной местности было учтено лишь 6 верблюдов [7]. По-видимому, в связи с сокращением перекочевок, вместо верблюдов стали использовать лошадей. Судя по записям В. Радлова, к началу второй половины XIX столетия в содержании скота существенных изменений не произошло.

Опишем заготовку сена, которой алтайцы занимались с незапамятных времен. Вот как описал А.М. Горохов заготовку сена в начале XIX столетия: «На прокорм телят, коз и овец, которых зимою содержат в юртах, калмыки [алтайцы] косят сено в самом малом количестве; для сбе-

режения же, связывая его длинными веревками, вешают на сучья высоких деревьев, в предосторожность от большой скотины. Из таких запасов дают понемногу сена, только в крайних случаях, телятам и овцам, когда они, из-за глубокого снега, не могут доставать себе корма» [8]. А в отчете Н.М. Ядринцева за 1880 г. сказано следующее: «У алтайцев есть способы заготовления сена на зиму, причем они, собирая его, вьют веревками. У черневых татар заготавливаются стога, к которым припускается на зиму скот. Проезжая по Алтаю среди лета, мы замечали везде кипучую земледельческую работу и сенокошение» [9].

Подробное описание заготовок сена имеется в работе С.П. Швецова. Он отмечал, что примерно с 70-х гг. XIX в. алтайцы стали употреблять литовки, а до этого они пользовались косой («горбушой»), занесенной в горный край русскими крестьянами. Коса в свою очередь оттеснила традиционный нож с загнутой ручкой (*оргуж*), которым алтайцы пользовались во время сенокоса. Однако вплоть до конца XIX в. традиционные приемы заготовки сена у алтайцев во многом сохранились. Особенности заготовки сена состояли в следующем. Скошенную зеленую траву свивали в особые жгуты, длиной около четырех аршин и толщиной в руку взрослого человека. Два таких жгута свивали вместе, образуя одно целое – *толгок*, который служил мерой измерения запаса сена. Такие толгоки подвешивались на нижние сучья лиственницы в виде гирлянд. В среднем один работник за 3 дня мог скосить, свить и развесить 100 толгоков. Причем 10 толгоков считались равными одной копне сена (вес копны – 5 пудов). Удобство толгоков состояло в том, что не нужно было тратить времени на сушку травы, а также в возможности их перемещения, например, подвязав к седлу лошади или унести на себе. Во второй половине XIX в. оседлые алтайцы вместо толгоков стали применять приемы заготовки сена русских крестьян: собирание сушеной травы в копны и последующее метание в стога. В большинстве районов сенокосно-уборочная пора приходилась на июль – первую половину сентября [10].

О распространении сенокошения говорят следующие цифры. По данным на 1896 г. заготовкой сена занимались 96% алтайских, 98% русских старожильческих и 89% переселенческих хозяйств. У трех групп населения в расчете на хозяйство приходилось соответственно 196, 310 и 243 копны сена, а на голову крупного скота (при переводе всего скота на крупный) – соответственно 6, 8 и 16 копен. Это было в 3–5 раз ниже требуемой нормы в 30–50 копен [11]. В целом приведенные цифры убеждают в том, что в хозяйстве каждой из трех групп населения основное поголовье скота не обеспечивалось сеном, поэтому зимой содержалось

на подножном корме. Следовательно, скотоводство было подвержено большим угрозам: достаточно было более снежной зимы, поздней весны, гололедицы – неизбежно происходил падеж тысяч голов скота. Такие массовые падежи скота от бескормицы и эпидемий (чумы) случались периодически, например, в источниках упомянуты большие потери скота в 1825, 1869 и 1896 гг. [12].

Одним из основных отраслей алтайского скотоводства было коневодство. «Алтайская лошадь представляет собой особую породу, лишь изредка встречающуюся в чистом виде, так как в большинстве своем она смешалась с породами лошадей живущих по соседству русских, киргизов [казахов] и монголов, – писал В. Радлова. – ...Лошадей чисто алтайской породы мы обнаружили лишь в малодоступных районах. В большинстве своем они светлой масти, очень много среди них белых, а вороные – большая редкость. Помимо красоты алтайскую лошадь отличают еще быстрота и ум. Она очень вынослива» [13].

Каждый крупный богач стремился иметь хорошего скакуна (аргымака), специально выращиваемого для конных скачек. «Состоятельные алтайцы не используют для верховой езды племенных кобыл и жеребцов – производителей, их оставляют в табуне, они – богатство и гордость владельца», – отмечал В. Радлов. Табунные лошади паслись зимой в низинах горных долин, а летом – на высокогорных пастбищах. Конский табун (*бир үүр жылкы*) состоял обычно из 8–20 кобыл, 5–10 мерин, 5–15 годовалых жеребят, 4–14 двух-трехлеток во главе с жеребцом [14]. Наиболее благоприятными для коневодства были долины Ябогана, Кана, Кырлыка, Абая, Уймона, Урсула, Песчаной и Чуи.

Между богатыми и бедными скотоводами существовала значительная разница в содержании скота. Богатые хозяева, имевшие крупные табуны, в зимнее время держали их в 5–10 верстах от зимнего стойбища, а летом отгоняли на «белки» – высокогорные пастбища за 60–100 верст. Хозяева средней достатка отгоняли гулевых лошадей летом на 20–25 верст. Бедняки летом держали лошадей в 5–10 верстах, а зимой – в пределах 1 версты от стойбища [15]. Отметим, что такие же отличия имелись в отгоне крупного и мелкого рогатого скота летом и зимой, с той лишь разницей, что бедняки имели только дойных коров с телятами, которые паслись около стойбища.

Зимой рабочих лошадей загоняли в открытые пригоны, а для коров делали стайки с навесами из жердей, прикрытыми сеном или соломой. Естественно, стайки плохо защищали животных от морозов и сильных ветров. Состоятельные хозяева ослабевших телят и ягнят содержали в не-

больших рубленых теплых хлевах, а бедняки – в жилых юртах. Для этого в юрте вырывали яму (купэ), но иногда для ягнят вместо ямы устраивали небольшой сруб. Для скота (овец, быков), находящегося вдали на отгоне, также делали пригоны у скал, чтобы защитить от холодных ветров.

Ближе к концу XIX в. алтайцы, по примеру русских соседей, зимой стали давать ослабевшему скоту соль, особенно в тех местах, где отсутствовали естественные солонцы. В зимнее время подкармливали сеном молодняк, ослабевших дойных коров и рабочих лошадей, используемых для поездок и других нужд [16]. Во второй половине XIX столетия в селениях, расположенных на Чуйском, Уймонском и других трактах, рабочим лошадям перед поездкой стали давать овес. Лошади использовались как средство передвижения и тягловая сила. По наблюдениям Г.Н. Потанина в середине XIX в. алтайские лошади считались в селениях по предгорью Алтая «лучшими ломовыми лошадьми» [17]. Кроме того, они давали молочные (кумыс) и мясные продукты. В пищевом рационе конина и другие виды мяса занимали заметное место.

Из выделанной и дубленой конской, бычьей, коровьей кожи изготовляли ремни, переметные и большие сумы, конское снаряжение, сосуды для хранения айрана, кумыса, араки и других молочных продуктов, а из выделанной жеребьячьей кожи шили мужскую одежду (куртки, штаны). Во второй половине XIX в., в связи со значительным увеличением поголовья овец, верхнюю мужскую и женскую одежду стали шить преимущественно из овчины и привозных тканей, например, сукна.

В алтайском скотоводстве вторым по значимости был крупный рогатый скот. В середине XIX века он считался лучшим в Томской губернии, например, из туши быка получали 15 пудов мяса и до четырех пудов сала. По описанию В. Радлова алтайские коровы чаще всего были рыжей масти, давали питательное, жирное молоко, примерно 6 штофов (7,2 литра) в день. Коров, как и кобыл, доили только в теплое время года: с марта по сентябрь, а в оседлых селениях – до конца октября. В чуйском районе яков (сарлыков), как и кобыл, доили в течение трех летних месяцев. Яки давали вдвое меньше молока, чем коровы, но значительно жирнее. Если у русских крестьян телят отнимали от дойных коров сразу после их рождения, то у алтайцев телят оставляли при коровах на весь период доения. Без подпуска теленка коровы совсем не доились. Средний удой молока от обычной коровы составлял 0,5–0,75 ведра (от лучшей коровы – по ведру) в весенне-летние месяцы, а к осени коровы сильно сбавляли молоко. В удое молока коров, принадлежавших алтайцам и русским крестьянам, практически не было заметной разницы. Исключение составлял Чуйский

район, где коровы давали значительно меньше молока: 1,5 – 2 кринки (до 2,5 литра) в удой. Количество молока, получаемого от кобылы в сутки, было примерно столько же, как от коровы. А от 12 дойных овец (10 коз) в день получали одно ведро молока, за исключением Чуйского района, где его было меньше [18].

Алтайцы из молока делали различные продукты питания: сливки, масло, айран, аракы (вино), эжигей (творог из молозива), аарчы (сушеный творог) и курут (сырчик). Последние два продукта, как и топленое масло, готовили впрок на зиму. От молока одной коровы получали примерно до 50 больших сырчиков. На питание семьи из пяти человек в день расходовалось три сырчика, если не было другой пищи (мяса и т.д.). Мясо в теплое время нарезали в виде жгутов и вялили на солнце и ветру, или же коптили над очагом в юрте. Зимой туши животных замораживали и хранили в амбарах и небольших срубах [19].

Третьим основным видом скота в алтайском хозяйстве являлись овцы. Вот как описал В. Радлов местную породу овец: «Алтайская овца имеет курдюк, который осенью весить от пяти до десяти фунтов. Шерсть почти исключительно белая..., длинная и грубая, стригут овец два раза в год. Небольшую часть овец не стригут, с тем, чтобы шерсть у них вылиняла, из этой шерсти изготавливают войлочные кошмы и веревки. Хорошую стриженую шерсть сматывают в клубки и продают» [20]. Овцеводство было развито в Чуйском районе и по левобережью Катунь вплоть до верховьев Чарыша и Ануя. К концу XIX в. на указанные районы приходилось свыше 92% всего поголовья овец Горного Алтая. По правобережью Катунь (от Сумульты до Маймы) и в черневом районе овцеводство было слабо развито. К основному продукту овцеводства, наряду с бараниной и овчиной, относилась стриженная шерсть, которая шла на изготовление кошмы, арканов, узд и другой домашней утвари. При стрижке овец алтайцы вместо ножниц, как принято у русских крестьян, употребляли остро отточенный тонкий нож. Что касается разведения коз, то в 1896 г. 87% их поголовья приходилось также на чуйский и левобережный районы. Коз, по описанию В. Радлова, содержали больше ради шерсти, чем ради молока и мяса. Лучшая козья шерсть шла на изготовление войлока, а похуже – веревок [21].

Кроме указанных видов скота население разводило верблюдов (для перевозки тяжестей) и маралов – ради их молодых рогов (пантов), пользовавшихся большим спросом на рынках соседнего Китая. Во второй половине XIX в. верблюдов держали только в Чуйской степи, а мараловодство развивалось преимущественно в левобережном райо-

не, главным образом в хозяйствах зажиточных русских крестьян-старожилов [22].

В целом, в Горном Алтае с 1832 по 1896 гг. поголовье лошадей возросло почти в 4 раза, крупного рогатого скота (КРС) – в 5 раз, овец и коз – в 6,5 раза. Однако удельный вес лошадей в составе стада уменьшился на 10%, КРС – остался почти без изменения, а доля овец и коз, наоборот, возросла на 10,5% (см. табл. 1).

Таблица 1. Поголовье скота в Горном Алтае

Годы	Лошади	КРС		МРС		Всего
		всего	коров	всего	Овец	
1832 г., абс. %	34900 39,8	18750 21,4	с.н.	34060 38,8	26810	87710 100
1896 г., абс. %	134294 29,7	97482 21,1	40199	223443 49,3	145726	455219 100

Источники: [23]

Примечание: 1) Было учтено еще 832 верблюда и 784 марала.

Следует отметить, что в данные за 1832 г. не вошли сведения о поголовье скота в двух чуйских волостях, в то время не входивших в состав России. Поэтому вполне допустимо, что реальные показатели темпов роста поголовья и изменения удельного веса овец и коз (как и лошадей) в составе стада, должны быть меньше указанных цифр примерно в два раза. А в целом, статистические данные свидетельствуют о динамичном росте поголовья всех основных видов скота. В определенной мере этому способствовало применение более совершенных орудий, способов заготовки сена и увеличение ее размеров. Качественные изменения в алтайском скотоводстве, как и в земледелии, в XIX в. происходили в русле перехода от кочевничества к оседлости.

С середины XIX столетия, в связи с усилением спроса на внешнем рынке, оживились продажа и обмен продуктов скотоводства и промыслов. Богатые алтайцы и русские крестьяне, имея большое количество скота, стали заниматься продажей скота. Так, например, в конце XIX в. Павел Туйтыш (5-я дючина) и Бодя Туушин (2-я дючина) ежегодно продавали по 200–250 голов крупного скота, а братья Кульджиновы (7-я дючина) – по 150–200 голов скота. В 1896 г. всем населением Горного Алтая было продано и отдано за долги 1933 лошади, 7372 голов крупного и 9014 голов мелкого рогатого скота. В среднем на хозяйство приходилось 2,8 головы

крупного скота (в переводе на крупный всего скота). А на пропитание населения ушло соответственно 5459, 5376 и 31472 голов указанных видов скота. В среднем потреблено 2,7 головы крупного скота. Покупали скот скупщики из городов Сибири и Урала, а также местные торговцы. Приезжие скупщики закупали в основном лошадей и на наличные деньги, а местные торговцы предпочитали обмен скота на промышленные товары, задавали их вперед и т.д. Покупаемый в Горном Алтае скот реализовывался на рынках городов Сибири и на приисках Енисейской губернии [24].

Неизбежным последствием проникновения торгово-ростовщического капитала в среду алтайцев и русских крестьян стало с одной стороны обнищание, обеднение значительной их части, а с другой – появление богачей – предприимчивых баев и кулаков. Такая тенденция контрастно проявлялась в селениях, расположенных около Чуйского, Уймонского и других трактов. О масштабах расслоения крестьянства Горного Алтая дают представление материалы обследования 1897 г. Среди алтайцев бедняцко-батрацеская группа (имела не более 1–2 раб. лошадей, 6 КРС, 10 МРС) составляла 45–50% хозяйств, середняцкая – 41–48% и зажиточно-байская группа (имела свыше 15 раб. лошадей и более 20 КРС) – 7–9% алтайских хозяйств. По примерным подсчетам, в зажиточно-байских хозяйствах было сосредоточено большинство скота алтайского населения: 65% лошадей, 53% КРС и 56% овец и коз. Среди русских крестьян бедняцкие хозяйства (имели не более 1–2 раб. лошадей и 1–4 КРС) составляли 35–36%, середняцкие – 53–54% и зажиточно-кулацкие (свыше 10 раб. лошадей и 20 КРС) – 10–12% всех русских хозяйств. Зажиточно-кулацкие хозяйства держали более половины лошадей, крупного и мелкого рогатого скота русской части населения Горного Алтая [25].

Заключая анализ материалов, подведем некоторые общие итоги. Изучение конкретно-исторических данных показало, что в течение XIX вв. произошли некоторые положительные изменения в орудиях и приемах заготовки кормов, а также в содержании скота в алтайских хозяйствах. Заметно увеличилось поголовье всех основных видов скота, а в структуре стада возросла доля овец и коз. По мере втягивания в товарно-рыночные отношения усиливается имущественная и социальная дифференциация алтайских и русских крестьянских хозяйств. К концу XIX столетия в сельском хозяйстве Горного Алтая стали доминировать зажиточно-кулацкие и байские хозяйства.

Местные русские крестьяне, являясь носителями оседлой земледельческой культуры, оказывали заметное влияние на развитие ското-

водческого хозяйства и быта алтайцев. В основе этого процесса лежали их длительное соседство и постоянно **усиливающиеся хозяйственные и культурные связи**. Одним из **позитивных последствий их совместного проживания**, безусловно, стал переход значительной части алтайцев от кочевничества к оседлости. Подтверждением тому служат развитие у них сенокосения, земледелия, распространение постоянных хозяйственных построек и жилищ (деревянных юрт, изб и домов).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Бунге А. Путешествие по восточной части Алтайских гор; 2-е изд. // Слово об Алтае. Книга III. Часть I. Землеведение. Флора и фауна. Этнография. Религия. История / Сост. Б.Я. Бедюров. – Горно-Алтайск: Юч-Сюмер – Белуха, 2004. – С. 241–354; Горохов А.М. Краткое этнографическое описание бийских, или алтайских калмыков // Журнал МВД. – СПб., 1840. – Ч. 38, II. – С. 201–228; Потанин Г.Н. Полгода в Алтае // Русское слово, 1859. – Отд. 1. – С. 90–275; Радлов В.В. Из Сибири. Страницы дневника / Пер. К.Д. Цивиной и Б.Е. Чистовой. – М.: Наука, 1989; Спасский Г. Путешествие к алтайским калмыкам; 2-е изд. // Слово об Алтае / Сост. Б.Я. Бедюров. – Горно-Алтайск: Юч-Сюмер – Белуха, 2004. Кн. 3. – Ч. 1. – С. 7–24; Швецов С.П. Горный Алтай и его население. Т. 1. Вып. 1. Кочевники Бийского уезда / Сост. С.П. Швецов. – Барнаул, 1900; Ядринцев, Н.М. Отчет о поездке по поручению Западно-Сибирского отдела ИРГО в Горный Алтай, к Телецкому озеру и в вершины Катунь в 1880 году // Записки Западно-Сибирского отдела ИРГО. – Омск, 1882. – Кн. 4. – С. 24–25, 28–29; Ядринцев Н.М. Сибирские инородцы, их быт и современное положение. – СПб., 1891.

2. Потапов Л.П. Очерки по истории алтайцев; 2-е изд. – М.: Л., 1953; Екеев Н.В. Горный Алтай в конце XIX–начале XX вв. (Вопросы социально-экономической истории). – Горно-Алтайск, 1991 – 62 с.; [ИГА], История Горного Алтая. Часть 1. Горный Алтай в досоветский период / Майдунова Н.А., Модоров Н.С., Мукаева Л.Н., Тадина Н.А. – Горно-Алтайск: РИО «Универ-Принт» ГАГУ, 1995. 112 с.; Самаев, Г.П. Горный Алтай в XVIII – середине XIX в.: Проблемы политической истории и присоединения к России. – Горно-Алтайск, 1991 – 256 с.

3. Горохов А.М. Краткое этнографическое описание; Потанин Г.Н. Полгода в Алтае.

4. Швецов С.П. Горный Алтай, с. 336–337.

5. Спасский Г. Путешествие к алтайским калмыкам, с. 18–19.

6. Бунге А. Путешествие, с. 274–275.

7. РГИА. Ф. 468. – Оп. 9. – Д. 1042. – Л. 452.

8. Горохов А.М. Краткое этнографическое описание, с. 209.

9. Ядринцев, Н.М. Отчет о поездке, с. 30.

10. Швецов С.П. Горный Алтай, с. 289–290, 309.

11. Швецов С.П. Горный Алтай, с. 344–345.

12. Бунге А. Путешествие, с. 265; Радлов В.В. Из Сибири, с. 152; Швецов С.П. Горный Алтай, с. 341.

13. Радлов, В.В. Из Сибири, с. 145–146.

14. Радлов, В.В. Из Сибири, с. 147–148, 150.